This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 469788

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Крымъ
въ
русской
поэзіи

Markevich, Arsenii [illegible]

КРЫМЪ

ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Арсеній Маркевичъ.

Изданіе С. Б. Синани.

СИМФЕРОПОЛЬ.
Печатня М. Б. Карскаго.
1897.

891.708
M344ke

Дозволено цензурою. Одесса, 8 Октября 1896 г.

105a - 212693

Всѣмъ, кому мила природа Крыма, кому дорого его прошлое, посвящается этотъ сборникъ. Изъ множества стихотвореній, навѣянныхъ чудной природой Тавриды, ея жизнью и минувшими судьбами, выбраны для него болѣе художественныя пьесы родныхъ поэтовъ, какими только могъ располагать составитель.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ТАВРИДА.

МОРЕ И ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ.

Желаніе.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ прибрежныя стремнины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Ва тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,

Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

Пушкинъ.

Нереида.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я могъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь

Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала...

Пушкинъ.

* * *

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь

И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Пушкинъ.

Бахчисарайскій Фонтанъ.

(Отрывокъ).

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,

Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Пушкинъ.

Изъ путешествія Онѣгина.

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ

Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

Пушкинъ.

Пилигримъ.

(Мицкевича.)

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играетъ предо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышатъ здѣсь плѣнительныя лицы;
Но думы далеко къ минувшему летятъ.

Напѣвомъ милымъ мнѣ дубравы тамъ шумятъ;
Байдара соловей, Салгирскія дѣвицы,
Огнистый ананасъ и яхонтъ шелковицы—
Твоихъ зеленыхъ тундръ, Литва, не замѣнятъ.

Въ краю прелестномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть все меня манитъ, въ тоскѣ стремлюся къ той,
Которую любилъ порою молодой.

Онъ отнятъ у меня, мой отчій край! Но милой
О другѣ все твердитъ въ родимой сторонѣ:
Тамъ живъ мой слѣдъ,—скажи, ты помнишь обо мнѣ?

Козловъ.

Странникъ.

(Подражаніе Мицкевичу.)

Такъ, я достигъ давно желанной цѣли:
У ногъ моихъ цвѣтущій край земли;
И моря шумъ, и рѣютъ корабли,
Качаяся въ волнахъ, какъ въ колыбели.

Но снятся мнѣ родимыя мятели....
О Русь! Лѣса дремучіе твои
Отраднѣе и слаще сердцу пѣли,
Чѣмъ звонкіе Байдара соловьи!

И кажется мнѣ краше и дороже
Нѣмая ширь и глушь моихъ степей,
Чѣмъ пышное цвѣтовъ душистыхъ ложе:

Тамъ я любилъ на утрѣ лучшихъ дней,
Тамъ и она... Но снится ли ей то же,
Что снится мнѣ о прошломъ и о ней?

Н. Бергъ.

Таврида.

Другъ милый, ангелъ мой, сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священныя мѣста!
Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны несчастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
Забудемъ имена фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ морями,

Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ
землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ
и водъ,
Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ.
Послѣдніе дары фортуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ
стократъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ
Пальмиры сѣвера огромной!.....

Батюшковъ.

Близъ береговъ.

Въ широкомъ пурпурѣ Авроры
Восходитъ солнце. Предо мной
Тавриды радужныя горы
Волшебной строятся стѣной.

Плывемъ. Все ближе берегъ чудный,
И рядъ заоблачныхъ вершинъ
Все ближе. У кормы дельфинъ
Волной играетъ изумрудной
И прыщетъ искрами вокругъ.
Вотъ пристань! — Зноемъ дышитъ югъ.
Здѣсь жарко-сладокъ воздухъ чистый,
Огнемъ и нѣгой разведенъ,
И какъ напитокъ золотистый
Изъ чаши неба пролитъ онъ.—
Тамъ—въ раззолоченномъ уборѣ
Границъ незнающее море
Съ небесной твердью сведено,
А тутъ—къ брегамъ прижаться радо,
И, только именемъ черно,
Слилось, лазурное, оно
Съ зеленымъ моремъ винограда.
Къ громадамъ скалъ приникъ заливъ,
И воды трепетныя млѣютъ,
И, рощи лавровъ отразивъ,
Густыя волны зеленѣютъ.

Бенедиктовъ.

На южномъ берегу.

Природа здѣшняя свѣтла,
Пышна, кудрява, лучезарна.
Какъ прелесть женская—мила,
И какъ прелестница—коварна;
Полна красотъ, со всѣхъ сторонъ
Блистаетъ и язвитъ—злодѣйка;
Въ руинахъ дремлетъ скорпіонъ;
Въ роскошныхъ злакахъ вьется змѣйка;
Въ зеленыхъ локонахъ кустовъ
Шипы таятся, иглы скрыты,
И между стеблями цвѣтовъ
Пропущенъ стебель ядовитый.
А знойный воздухъ сей, огнемъ
Въ уста втекающій, какъ лава...
Невидимо разлита въ немъ
Соблазна тайнаго отрава:
Вдыхая въ грудь его струи,
Я вспомнилъ сонъ своей любви—
Тяжелый сонъ! — Зачѣмъ любовью
Здѣсь дышитъ все? — Зайдетъ ли день—
Край неба весь нальется кровью,

И соблазнительная тѣнь
На холмы ляжетъ; изъ-за Понта,
Округлена, раскалена,
Возставъ, огромная луна
Раздвинетъ обручъ горизонта
И выплыветъ, и разомкнетъ
Свои прельстительныя очи...
Она, бывало, перечтетъ
Мнѣ всѣ недоспанныя ночи,
Напомнитъ старыя мечты,
Страстей изломанныхъ картину
И все, за что бы отдалъ ты,
Скиталецъ, жизни половину.
Какой томительный упрекъ,
Бывало, мнѣ на сердце ляжетъ,
Когда луна мнѣ томно скажетъ:
Страдай! Томись! Ты одинокъ.

Бенедиктовъ.

Оріанда.

Прелесть и прелесть! Вглядитесь:
Сколько ея на землѣ!
Шапку долой! Поклонитесь
Этой чудесной скалѣ!
Зеленью затканъ богатой
Что за роскошный утесъ,
Ставъ здѣсь твердыней зубчатой,
Плечи подъ небо занесъ!
Но извините: съ почтеньемъ
Сколько ни кланяйтесь вы—
Онъ не воздастъ вамъ склоненьемъ
Гордой своей головы—
Нѣтъ!—но услужитъ вамъ втрое
Пышнымъ въ подножьѣ ковромъ,
Тѣнью прохладной при зноѣ,
Водныхъ ключей серебромъ.
Гордая стать—не обида:
Пусть же, при благости твердъ,
Дивный утесъ твой, Таврида,
Кажется смертному гордъ!
Вспомнимъ: средь залъ благовонныхъ,

Въ свѣтѣ надъ лоскомъ половъ,
Мало-ль пустыхъ, безпоклонныхъ,
Вздернутыхъ кверху головъ?
Тщетно бы тѣни и крова
Ближній отъ нихъ тутъ искалъ;
Блещутъ, но блещутъ сурово
Выси живыхъ этихъ скалъ.

Бенедиктовъ.

Алупка.

Въ рощахъ ненаглядныхъ
Здѣсь чертогъ предъ вами.
Камень стѣнъ громадныхъ
Весь увитъ цвѣтами:
По столбамъ взбѣгаютъ,
По карнизамъ вьются,
Мраморъ обнимаютъ,
Къ позолотѣ жмутся;
Разстилаясь тканью,
Съединя всѣ краски,

Расточаютъ зданью
Женственныя ласки.
Ласки, павъ на камень,
Пропадаютъ даромъ:
Изъ него жаръ—пламень
Выбьешь лишь ударомъ.
Такъ-то и на свѣтѣ
Межъ людьми ведется:
Прелесть въ пышномъ цвѣтѣ
Часто къ камню жмется;
Цвѣтъ, что всѣхъ милѣе,
Нѣженъ къ истукану;
Ластится лилея
Къ пню или чурбану.
Тутъ хоть камень глаже
Щеголя причесанъ:
Тамъ—посмотришь—даже
Пень тотъ неотесанъ.

Бенедиктовъ.

Ночь въ Крыму.

Помнишь—лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье
И цикады стрекотанье
За оградой садовой?

Въ полумглѣ нагорнымъ садомъ
Шли мы—лавръ благоухалъ,
Гротъ чернѣлъ за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучалъ.

Помнишь—свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй—
Всей природы обаянье
И невольное сліянье
Устъ въ нежданный поцѣлуй?

Эта музыка природы—
Эта музыка души
Мнѣ въ иные злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышались въ тиши.

Я внималъ—и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ;
Легче вѣрилось и пѣлось;
Я внималъ, и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всемъ.

Полонскій.

Крымскіе очерки.

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатою стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.
Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,

Цвѣтущій берегъ невредимъ.
Надъ нимъ весна младая вѣетъ,
И лавръ, Діаною хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

Графъ А. Толстой.

* * *

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;
А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

Графъ А. Толстой.

*
* *

Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло.
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,
Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпѣ твоей?
Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы ѣхали рядомъ,
Съ рукою сходилась рука!
Ты такъ на сѣдлѣ нагибалась красиво,
Ты алый шиповникъ рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;
Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты
Безпечно смѣялась—цвѣты на лошадкѣ,
Въ рукахъ и на шляпѣ цвѣты.
Ты помнишь ли ревъ дождевого потока
И пѣну, и брызги кругомъ?
И какъ наше горе казалось далеко,
И какъ мы забыли о немъ!

Графъ А. Толстой.

* * *

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!
Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпіонъ, сороконожка
И фигуры англичанъ.

Графъ А. Толстой.

* * *

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
По сѣрымъ камнямъ точитъ слезы,
Ползутъ на черный кипарисъ
Гроздами пурпурныя розы.
Сюда когда-то, въ жгучій зной,
Подъ темнолиственные лавры,
Бѣжали львы на водопой

И буропѣгіе кентавры;
Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
Вакханки съ криками и смѣхомъ
Свершали виноградный пиръ,
И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ дальнимъ эхомъ.

На той скалѣ Діаны храмъ
Хранила дѣвственная жрица,
А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
Плыла богини колесница...
Но ужъ не та теперь пора;
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,
Тамъ слышны звуки топора,
Грохочатъ вражьи барабаны;
И все прошло, нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой:
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыя стада
Пасетъ татаринъ молчаливый...

Графъ А. Толстой.

* * *

Солнце жжетъ; передъ грозою
Измѣнился моря видъ:
Засверкалъ межъ бирюзою
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я,
Какъ, вздымая корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ, онѣмѣлый,
У твоихъ, Таврида, ногъ.

Графъ А. Толстой.

Чаадаеву.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,

Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...

. . . . . .

Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьѣ вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Пушкинъ.

Къ А—ѣ П—ѣ Г—гъ.

(По возвращеніи изъ Крыма).

Въ странѣ, гдѣ ясными лучами
Живѣе блещутъ небеса,
Есть между моремъ и горами
Земли роскошной полоса.
Я тамъ бродилъ, и думъ порывы
Невольно къ вамъ я устремлялъ,
Когда подъ лавры и оливы
Главу тревожную склонялъ.
Тамъ часто я, въ разгулѣ дикомъ,
Широко плавая въ мечтахъ,
Васъ призывалъ безумнымъ кликомъ—
И эхо вторило въ горахъ.
О васъ я думалъ тамъ, гдѣ влага
Фонтановъ сладостныхъ шумитъ,
Тамъ, гдѣ гиганта—Чатырдага
Глава надъ тучами паритъ,
Тамъ, гдѣ по яхонту эѳира
Гуляютъ вольные орлы,
Гдѣ путь себѣ хрусталь Салгира
Прошибъ изъ мраморной скалы.—

Тамъ, средь природы колоссальной,
На высяхъ горъ, на ребрахъ скалъ,
Оставилъ я свой слѣдъ печальный
И ваше имя начерталъ,—
И послѣ—изъ долинъ метались
Мои глаза на высоты,
Гдѣ мною врѣзаны остались
Тѣ драгоцѣнныя черты:
Онѣ въ лазури утопали,
А я смотрѣлъ издалека,
Какъ солнца тамъ лучи играли
Или сливались облака.

Блеснетъ весна иного года
И, можетъ быть, въ счастливый часъ,
Тавриды свѣтлая природа
Въ свои объятья приметъ васъ.
Привычный къ высямъ и оврагамъ
Надъ дальней бездной, въ свой чередъ,
Татарскій конь надежнымъ шагомъ
Васъ въ область молній вознесетъ—
И вы найдете тѣ скрижали,
Гдѣ, проясняя свой удѣлъ

И сердца тайныя печали,
Я ваше имя впечатлѣлъ.
Быть можетъ—это начертанье—
Скаламъ мной ввѣренный залогъ—
Пробудитъ въ васъ воспоминанье
О томъ, кто васъ забыть не могъ....

Но я боюсь: тѣхъ высей темя
Обваломъ въ бездну упадетъ,
Или завистливое время
Черты завѣтныя сотретъ,
Иль, кроя мракомъ сводъ лазури
И раздирая облака,
Изгладитъ ихъ ревнивой бури
Неотразимая рука,—
И не избѣгну я забвенья,
И скрыта въ прахѣ разрушенья,
Завѣтной надписи лишась,
Порой подъ вашими стопами
Мелькнетъ неузнанная вами
Могила думъ моихъ объ васъ.

Бенедиктовъ.

*
* *

На югъ, говорили друзья мнѣ, на югъ,
Подъ небо его голубое!
Тамъ смолкнетъ, пѣвецъ, твой гнетущій недугъ,
Тамъ сердце очнется больное!
Я внялъ ихъ призывамъ, и вотъ предо мной,
Синѣя въ безгранномъ просторѣ,
Блеститъ изумрудомъ, горитъ бирюзой
И плещется теплое море.
Привѣтъ, о привѣтъ тебѣ, синяя даль,
Привѣтъ тебѣ, вѣтеръ свободный!
Развѣйте на сердцѣ глухую печаль,
Развѣйте мой мракъ безысходный!
О, сколько красы окружаетъ меня...
Какъ дальнія горы сіяютъ!
Какъ чайки въ лучахъ золотистаго дня
Надъ сѣрымъ прибрежьемъ мелькаютъ!
Теряются виллы въ зеленыхъ садахъ...
Откуда-то музыка льется.
Природа вокругъ, какъ невѣста въ цвѣтахъ,
Лазурному утру смѣется.
Но что это? Въ свадебномъ хорѣ звучатъ

Иные, суровые звуки,
Въ нихъ громы вражды, затаенный разладъ,
Угрозы, и стоны, и муки!
То море, то синее море поетъ,
Разгнѣвано синее море!
Напѣвъ величавый растетъ и растетъ,
Какъ реквіемъ въ мрачномъ соборѣ!

. . . . . .

. . . . . .

Надсонъ.

Черное море.

Зубчатый Ай-Петри синѣетъ во мглѣ.
Одинъ я стою на прибрежной скалѣ.
Далеко, широко, въ раздольномъ просторѣ,
Лежишь предо мною, ты, Черное море!
Какъ пологъ лазурный, нависъ надъ тобой
Безбрежнаго неба покровъ голубой.
Облитое солнцемъ, какъ зеркало, гладко,
Ты, кажется, дремлешь такъ тихо, такъ сладко.

Стою и любуюсь лазурью твоей!—
За что же ты чернымъ слывешь у людей?...
Нѣтъ, грозное имя ты носишь напрасно,
Черно ты въ день черный, въ день ясный ты ясно.
Ты бурно, ты страшно тогда лишь, когда
Борьбы съ ураганомъ придетъ череда;
Когда, весь одѣтый въ громовыя тучи,
Онъ дерзко нарушитъ покой твой могучій....

Розенгеймъ.

Мѣсячная ночь.

Тамъ высоко въ звѣздномъ морѣ,
Словно лебедь золотой,
На безоблачномъ просторѣ
Ходитъ мѣсяцъ молодой,
Нашъ красавецъ ненаглядный,
Южной ночи гость и другъ;
Все при немъ, въ тѣни прохладной,
Все затеплилось вокругъ:

Горы, скаты ихъ, вершины,
Тополь, лавръ и кипарисъ
И во глубь морской пучины
Выдвигающійся мысъ.

Все мгновенно просвѣтлѣло—
Путь и темные углы,
Все пріяло жизнь и тѣло,
Все воскреснуло изъ мглы.

Съ нѣгой юга сны востока,
Поэтическіе сны,
Вѣсти, гости издалека,
Изъ волшебной стороны,—

Все для сѣвернаго сына
Говоритъ про міръ иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:

Тишь и сладость нѣги южной,
Въ небѣ звѣздный караванъ,
Здѣсь струей среброжемчужной
Тихо плачущій фонтанъ.

И при мѣсячномъ сіяньи,
Съ моря, съ долу, съ высоты

Вьются въ сребреномъ мерцаньи
Тѣни, образы, мечты.
Новыхъ чувствъ и впечатлѣній
Мы не въ силахъ превозмочь:
Льешься чашей упоеній,
О, таврическая ночь!
Вотъ татаринъ смуглолицый
По прибрежной вышинѣ,
Словно всадникъ изъ гробницы
Тѣнью мчится на конѣ,—
Освѣщенный луннымъ блескомъ,
Дико смотритъ на меня,
Вдругъ исчезъ! И море плескомъ
Вторитъ топоту коня.
Здѣсь татарское селенье:
Съ плоской кровлей низкій домъ
И на ней, какъ привидѣнье,
Дѣва въ облакѣ ночномъ;
Лишь выглядываютъ очи
Изъ накинутой чадры,
Какъ зарницы темной ночи
Въ знойно-лѣтніе жары.

Князь Вяземскій.

Море.

Опять я слышу этотъ шумъ,
Который сладостно тревожилъ
Покой моихъ лѣнивыхъ думъ,
Съ которымъ я такъ много прожилъ
Безсонныхъ, памятныхъ ночей,
И слушалъ я, какъ плачетъ море,
Чтобъ словно выплакать все горе
Изъ глубины груди своей.

Не выразитъ языкъ земной
Твоихъ рыдающихъ созвучій,
Когда, о море, въ тьмѣ ночной
Раздастся голосъ твой могучій!
Кругомъ все тихо! Вѣтръ уснулъ
На возвышеньяхъ Аю-Дага;
Ни человѣческаго шага,
Ни словъ людскихъ не слышенъ гулъ.

Дневной свой подвигъ совершa,
Земля почила послѣ боя;
Но бурная твоя душа
Одна не вѣдаетъ покоя.

Тревожась внутренней тоской,
Томясь невѣдомымъ недугомъ,
Какъ пораженное испугомъ,
Вдругъ вздрогнувъ, ты подъемлешь вой.
Таинственъ мракъ въ ночной глуши,
Но посреди ея молчанья
Еще таинственнѣй души
Твоей, о море, прорицанья!
Ты что-то хочешь разсказать
Про таинства природы вѣчной
И намъ волною скоротечной
Глубокій смыслъ ихъ передать.
Мы внемлемъ чудный твой разсказъ,
Но разумѣть его не можемъ;
Съ тебя мы не спускаемъ глазъ
И надъ твоимъ тревожнымъ ложемъ
Стоимъ, вперяя жадный слухъ:
И чуемъ мы, благоговѣя,
Какъ мимо насъ, незримо вѣя,
Несется бездны бурный духъ!...

Князь П. Вяземскій.

Возвращаясь изъ Кореиза.

Усѣяно небо звѣздами,
И чудно тѣ звѣзды горятъ,
И въ море златыми очами
Красавицы съ неба глядятъ;

И зеркало пропасти зыбкой
Купаетъ ихъ въ лонѣ своемъ
И, вспыхнувъ ихъ яркой улыбкой,
Струится и брызжетъ огнемъ.

Вдоль моря громады утесовъ
Сплотились въ единый утесъ:
Надъ ними колоссъ изъ колоссовъ
Ай-Петри ихъ всѣхъ перерось.

Деревья, какъ сборище тѣней,
Воздушно толпясь по скаламъ,
Подъ сумракомъ съ горныхъ ступеней
Киваютъ задумчиво намъ.

Тревожное есть обаянье
Въ сей теплой и призрачной мглѣ;
И самое ночи молчанье
Несется, какъ пѣснь, по землѣ.

То нѣгой, то чувствомъ испуга
Въ насъ сердце трепещетъ сильнѣй;
О ночь благодатнаго юга!
Какъ много волшебнаго въ ней!...

Князь Вяземскій.

* * *

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ,
Есть уютный уголокъ:
Онъ подъ вѣтвянымъ навѣсомъ
Тихъ и свѣжъ, и одинокъ;
Пріютившися къ ущелью,
Миловидный Кореизъ,
Здѣсь надъ моремъ колыбелью
Подъ крутой скалой повисъ.
И съ любовью, съ нѣжной лаской
Ночь, какъ матерь, въ тихій часъ
Сладкой пѣснью, чудной сказкой
Убаюкиваетъ насъ.
Сквозь глубокое молчанье,
Подъ деревьями, въ тѣни

Слышны ропотъ и журчанье:
Съ плескомъ падаютъ струи.
Этотъ говоръ, этотъ лепетъ
Въ вѣчно-льющихся струяхъ
Возбуждаетъ въ сердцѣ трепетъ
И тоску о прошлыхъ дняхъ.
Улыбалась здѣсь красиво
Ненаглядная звѣзда,
Къ намъ слетѣвшая на диво
Изъ лазурнаго гнѣзда.
Гостья въ блескѣ скоротечномъ
Нынѣ скрылася отъ насъ,
Но въ святилищѣ сердечномъ
Милый образъ не угасъ.

Князь Вяземскій.

Ливадія.

(27 Іюля).

Отчего красою новой
Улыбается намъ день,

Свѣявъ съ тверди бирюзовой
И послѣдней тучки тѣнь?
Отчего онъ такъ свѣтлѣетъ?
Отчего еще нѣжнѣй
Насъ лобзаетъ, насъ лелѣетъ
Теплой ласкою своей?

Отчего такъ благосклонно
И такъ празднично глядятъ
Море, берегъ благовонный
И его роскошный садъ?
Отчего такъ солнце блещетъ,
Златомъ даль озарена,
И такъ радостно трепещетъ
Моря синяя волна?

Въ этотъ день, всѣхъ дней прекраснѣй,
И земля, и небеса,
Отчего еще согласнѣй
Въ пѣснь сливаютъ голоса?
Отчего вездѣ такъ мило
Чье-то имя слышно намъ,
И молитва, какъ кадило,
Свой возноситъ ѳиліамъ?

Въ уголокъ сей безмятежный
Отчего нашъ тайный врагъ—
Пресыщенье, неизбѣжный
Спутникъ всѣхъ житейскихъ благъ,
Не помыслитъ, не посмѣетъ
Заглянуть за нашъ порогъ,
И затихнувъ, здѣсь нѣмѣетъ
Шумъ заботливыхъ тревогъ?

Древній міръ очарованья
Нынѣ вновь помолодѣлъ;
Словно въ первый день созданья
Юной жизнью онъ расцвѣлъ;
Непочатый самовластьемъ
Разрушительныхъ вѣковъ,
Юнымъ блескомъ, юнымъ счастьемъ,
Свѣжей зеленью цвѣтовъ,

Онъ увѣнчанъ, опоясанъ
Онъ жемчужною волной,
Сводъ небесъ надъ нимъ такъ ясенъ,
Да и самъ онъ—рай земной.
Отчего, съ природой дружно,
На кого ни погляди,

Всѣ сердца горятъ такъ южно
Въ нашей сѣверной груди?...

Оттого здѣсь все такъ живо
Блещетъ праздничной красой,
Что встрѣчаемъ день счастливый
Годовщины дорогой.
Въ этотъ день у колыбели
Ангелъ жизни предстоялъ,
И младенцу къ свѣтлой цѣли
Свѣтлый путь онъ указалъ.

Съ возрастающей надеждой
Предсказаніе сбылось,
И подъ царственной одеждой
Сердце чистое зажглось.
Кроткій духъ благоволенья
Возлелѣялъ и развилъ
Всѣ души ея движенья
И весь строй душевныхъ силъ.

Жизнь согрѣла и богато
Принесла дары свои,
Все, что благо, все, что свято,
Ей знакомо, ей сродни.

Не страшась завоеванья
Для другихъ враждебныхъ лѣтъ,
Свѣжестью благоуханья
Въ ней роскошенъ жизни цвѣтъ.
Ей къ лицу и багряница,
Но еще она милѣй,
Если прячется царица
Въ женской прелести своей.
Въ свѣтломъ праздничномъ уборѣ
Оттого здѣсь небеса,
Горы, голубое море
И душистые лѣса.
Всѣ, ревнуя другъ предъ другомъ,
Расточаютъ блескъ и тѣнь,
Чтобъ отпраздновать всѣмъ югомъ
Этотъ радостный намъ день!

Князь Вяземскій.

* * *

Слуху милыя названья,
Зрѣнью милыя мѣста!

Свѣтлой цѣпью обаянья
Къ вамъ прикована мечта.

Вотъ Ливадія, Массандра!
Благозвучныя слова!
Съ древнихъ береговъ Меандра
Ихъ навѣяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
Расцвѣтающій Мисхоръ!
Оріанда, горделиво
Поражающая взоръ!

Живописнаго узора
Свѣтлый, снѣжкій лоскутокъ—
Коренжъ, звѣздой съ Босфора
Озаренный уголокъ!

Солнце, тѣнь, благоуханье,
Моръ Таврическихъ краса,
Въ немерцающемъ сіяньѣ
Голубыя небеса!

Моря блескъ и гашъ, и трепетъ!
И среди тьмы и тишины
Какъ прибрежья плачъ и лепетъ
Ночью лежащей волны!

Поэтической Эллады
Отголоски и залогъ,
Мира, отдыха, услады,
Пристань, чуждая тревогъ!
Здѣсь, не знаяся съ ненастьемъ,
Жизнь такъ чудно хороша,
Здѣсь цѣлебнымъ, чистымъ счастьемъ
Упивается душа.
Съ нашимъ чувствомъ здѣсь созвучнѣй
Горъ, долинъ, лѣсовъ привѣтъ,
Намъ ихъ таинства сподручнѣй,
Словно таинства въ нихъ нѣтъ.
Здѣсь намъ родственнымъ нарѣчьемъ
Говоритъ и моря шумъ;
Съ дѣтскимъ здѣсь простосердечьемъ
Умиляется нашъ умъ.
И съ природою согласно
Свѣжесть въ мысляхъ и мечтахъ,
Здѣсь и на сердцѣ такъ ясно,
Какъ въ прозрачныхъ небесахъ.

Князь Вяземскій.

Оріанда.

Море яркою парчою
Разстилается внизу,
То блеснетъ златой струею,
То сольется въ бирюзу,

Въ изумрудъ и въ яхонтъ синій,
Въ ослѣпительный алмазъ;
Зыбью радужной пустыни
Не насытитъ жадный глазъ.

И предъ моремъ, съ нимъ сподручно,
Моремъ зелень разлилась,
И растительностью тучной
Почва пышно убралась.

Тамъ, гдѣ стелется веранда,
Гдѣ гора даетъ оплотъ,
Забѣлѣлась Оріанда,
Какъ серебряный чертогъ.

И надъ нимъ сапфирной крышей
Развернулся неба сводъ;
Воздухъ здѣсь струится тише,
И все тише ропотъ водъ.

Какъ твердыня, скалъ громада
Уперлася въ полукругъ,
И охрана и ограда
Отъ напора зимнихъ вьюгъ.

Знать, здѣсь громы рокотали
И огнемъ своихъ зарницъ
Горъ осколки разметали
Съ этихъ каменныхъ бойницъ.

Средь прохлады и потемокъ
Древъ, пресѣкшихъ солнца свѣтъ,
Допотопныхъ горъ потомокъ,
Камень—древній домосѣдъ—

Весь обросшій сѣрымъ мохомъ,
На красу картинъ живыхъ,
Какъ старикъ глядитъ со вздохомъ
На красавицъ молодыхъ.

На скалѣ многоголовной
Освященьемъ здѣшнихъ мѣстъ,
Водруженъ маякъ духовный—
Искупительный нашъ крестъ.

Чуть завидя издалече
Это знаменье, морякъ,

Ободрясь благою встрѣчей,
Совершаетъ крестный знакъ.
И скитальцамъ въ бурномъ морѣ,
И житейскихъ волнъ пловцамъ,
Въ дни попутные и въ горѣ,
Крестъ и вождь и свѣточъ тамъ.

. . . . . .

Князь Вяземскій.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Стансы на Кавказъ и Крымъ.

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохновенья!
Звучитъ ли на горахъ волшебной лиры гласъ?
Хіосскаго слѣпца внималъ ли пѣснопѣнья
Восторженный Кавказъ?
Ты зрѣлъ, съ какой красой власть чудныя природы
Громады дикихъ скалъ вѣнчаетъ яркимъ льдомъ,
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещутъ воды
Кипучимъ серебромъ?

Тамъ въ синихъ небесахъ снѣга вершинъ сіяютъ,
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,
И тучи подъ тобой, клубяся, застилаютъ
Ревущій водопадъ.
Ты видишь, между скалъ, какъ рыщетъ горный житель,
Черкесъ, отважный другъ свободы и коня,
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ утесу похититель
Небеснаго огня.
Но долѣ роковой Титанъ не покорился;
Лишь громовержца онъ надменно укорялъ:
Страдальцу гордому разгнѣванный дивился,
И громъ въ рукѣ дрожалъ.
Иль, другъ, уже теперь въ объятьяхъ тихой лѣни,
Вечернею зарей ты смотришь на Салгиръ,
На сладострастныя Таврическія сѣни,
На радужный эѳиръ?
Тамъ сѣверный пѣвецъ въ садахъ Бахчисарая
Задумчиво бродилъ, мечтами окруженъ;
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь младая,—
И струнъ раздался звонъ.
Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумитъ во тьмѣ полночной,

Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей:
Но сладостный фонтанъ и соловей восточный
Не слаще, не звучнѣй!...
Быть можетъ, давнихъ дней воспоминанья полный
И видя, какъ суда несутся по зыбямъ,
Ты думой тайною стремишься черезъ волны
Къ далекимъ берегамъ.
Чьи башни гордыя съ двурогими лунами
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознеслись,
Гдѣ плещетъ Геллеспонтъ, гдѣ дремлетъ надъ струями
И миртъ, и кипарисъ?
Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ бѣлѣетъ
Гаремъ съ рѣшетками и кровлей золотой,
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣетъ
Съ прохладою ночной.
Ахъ, ясный неба сводъ, и шумъ валовъ сребристыхъ,
И розы пышныя, и мирные лѣса,
И нѣга томная ночей твоихъ душистыхъ,
И дѣвъ твоихъ краса,
Ничто, прелестный край, ничто народъ суровый
Не въ силахъ укротить! Онъ съ каждымъ днемъ грознѣй,

И мчатъ твоимъ сынамъ и гибель и оковы
Армады кораблей.
Но мечъ, свободы мечъ, блеснулъ ужаснымъ блескомъ;
Съ нимъ Богъ: ужъ онъ разитъ враговъ родной земли,
И, огненнымъ столбомъ взлетая къ небу съ трескомъ,
Пылаютъ корабли.
Ихъ пламень освѣтилъ пучину роковую,
И рдѣетъ зарево во мракѣ черныхъ тучъ,
И вѣщаго пѣвца на урну гробовую
Упалъ багровый лучъ....

Козловъ.

Татарская басня.

(Я. П. Полонскому).

Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ
Вознесся дубъ, таврическій гигантъ,
И съ трехъ сторонъ уютный палисадникъ
Предъ нимъ заплелъ кудрявый виноградникъ.
И лавръ, и миртъ, и мрачный кипарисъ
Вокругъ него роскошно разрослись....

И дождь, и громъ, и быстрыя мятели
Надъ нимъ напрасно бились и гремѣли.
Онъ невредимъ, онъ одинокъ стоялъ
И холодно окрестность созерцалъ.
Съ его листовъ росы жемчужной слезы
Звеня спадали на листочки розы.
Въ тиши его безтрепетныхъ вѣтвей
Рыдалъ и пѣлъ залетный соловей.
И много лѣтъ, покоемъ гордымъ полнъ,
Качался онъ надъ бездной синихъ волнъ.
Сквозь щель скалы, цѣпляясь по каменьямъ,
Къ нему подползъ по виноградным звеньямъ
Трехгранный плющъ—и лиственную ткань
Сталъ разстилать на мраморную грань.
Покорно, робко къ дубу онъ склонился,
И старецъ имъ лукаво соблазнился,
И принятъ былъ отъ любострастныхъ струй
Томительный и страстный поцѣлуй!
И прянулъ плющъ.... Безъ страха обвиваясь
И тысячами нитей разростаясь,
И тысячами устьицъ и корней
Точа кору—какъ изумрудный змѣй,
Надъ бронзовой, вѣтвистою колонной,

Онъ заплетаться сталъ тесьмой зеленой,—
И почернѣлъ печальный стражъ садовъ
Подъ язвами невидимыхъ зубовъ!...
Но и врагу пошла не въ прибыль злоба:
И дубъ, и плющъ изсохли разомъ оба....
И такъ погибъ таврическій гигантъ
Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ....
И нынѣ дождь его нагорный мочитъ,
Незримый червь его остатки точитъ,
Да, корни помертвѣвшіе поя,
Шумитъ подъ нимъ свободная струя.

Г. Данилевскій.

Тумановъ млечныхъ покрывало
Долины, горы, небеса
И необъятные лѣса
Ревнивымъ облакомъ скрывало.
Но вдругъ безжизненная мгла,
Какъ исполинская завѣса,
Разорвалась и поплыла....
Открылся міръ прекраснѣй грезы,

И засинѣли небеса,
Какъ благодарственныя слезы,
На розахъ вспыхнула роса.
И мягкій свѣтъ упалъ на долы,
На берегъ съ пѣною валовъ,
На скалы—вѣчные престолы,
Жилища царственныхъ орловъ.
Ужъ море теплое дышало
И, торжествуя, предо мной
До края неба трепетало
Своей воздушной синевой.

Мережковскій.

Элегія.

На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья;
Подъ каждымъ деревомъ искать успокоенья;
Питать бездѣйствіемъ задумчивость свою;
Подслушивать въ горахъ журчащую струю,
Иль звонкое о брегъ плесканье океана;
Подъ зыбкой пеленой вечерняго тумана

Взирать на облака, разбросанны кругомъ
Въ узорахъ и въ цвѣтахъ и въ блескѣ золотомъ,—
Вотъ жизнь моя въ странѣ, гдѣ кипарисны сѣни,
Средь лавровъ возростя, приманиваютъ къ лѣни,
Гдѣ хижины татаръ вѣнчаетъ виноградъ,
Гдѣ роща каждая есть благовонный садъ.

В. Туманскій.

Русскія женщины.

Княгиня М. Н. Волконская.

[Отрывокъ]

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ,
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ наконецъ

И горы, и Черное море!
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала;
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
Отъ моря спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали! . .

. . . . . .

Юрзуфъ живописенъ; въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули,
У ногъ его море, вдали Аюдагъ . . .

Татарскія хижины льнули
Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
На кручу лозой отягченной,
И тополь мѣстами недвижно стоялъ
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился,
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки,
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ,
По—англійски бралъ онъ уроки
У Лены, сестры моей: Байронъ тогда
Его занималъ чрезвычайно.
Случалось сестрѣ перевесть иногда
Изъ Байрона что-нибудь—тайно;
Она мнѣ читала попытки свои,
А послѣ рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
Что Лена стихи сочиняла;
Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
И вывелъ все дѣло на сцену.

Хваля переводы, онъ долго потомъ
Конфузилъ несчастную Лену...
Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ.
У самой террасы стоялъ кипарисъ,
Поэтъ называлъ его другомъ,
Подъ нимъ заставалъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
„Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей—повѣствуетъ народъ—
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря..."
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:

Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ . . . . .

Некрасовъ.

Подъ небесами юга.

(Крымскіе эскизы).

Вотъ онъ, южный берегъ Крыма!
Я, на этомъ берегу
Набираясь впечатлѣній,
Ихъ какъ скряга берегу.

Эта чудная природа
Никогда не надоѣстъ.
Что за бархатныя ночи
При сіяньи яркихъ звѣздъ!

Что за воздухъ, что за небо,
Золотистое съ утра!
Восклицательные знаки
Такъ и просятся съ пера.

Что за блескъ! Къ нему донынѣ,
Право, глазъ мой не привыкъ...
Кто здѣсь скажетъ, что на солнцѣ
Пятна есть, тотъ—клеветникъ.

Въ окна днемъ я вижу море,
Ночью море слышу я:
Вѣчно ропщетъ и сверкаетъ
Волнъ стальная чешуя.

Полный нѣги и дремоты,
Иногда въ полдневный зной
Не струится воздухъ, скованъ
Непробудной тишиной;

Въ неподвижности лѣнивой
Спятъ долины и лѣса,
И жужжащихъ насѣкомыхъ,
Птицъ стихаютъ голоса.

Только морю незнакома
Опьяняющая лѣнь:
Гулъ прибоя и отбоя
Не смолкаетъ ночь и день.

Д. Минаевъ.

*
* *

„Срама мертвые не имутъ“,
Но въ Крыму умершимъ—срамъ:
Чудотворный этотъ климатъ,
Какъ цѣлительный бальзамъ,

Полутрупамъ жизнь и силы,
Возвративъ, въ концѣ концовъ,
У зіяющей могилы
Отнимаетъ мертвецовъ.

А больныхъ въ одно, въ два лѣта
Обновляетъ онъ вполнѣ.
Мой дорожный спутникъ это
Доказалъ наглядно мнѣ.

Онъ, помѣщикъ изъ Полтавы,
Апоплексикъ и брюзга,
Всю дорогу отъ заставы
Городской Кременчуга

До конца пути, до Крыма,
Безконечно докучалъ,
Надоѣлъ мнѣ нестерпимо,
Все ругая наповалъ:

Нашу русскую природу,
Прессу, земство, докторовъ,
Нравовъ порчу и свободу,
Новый судъ, кондукторовъ,

Пароходную прислугу,
И по нѣскольку разъ въ день
Проклиналъ свою супругу;
Онъ тяжелымъ, какъ кистень,

Кулакомъ стучалъ: „Повѣсить
Мало эту бабу... Да-съ!“
Но когда дней черезъ десять
Въ Ялтѣ вновь свелъ случай насъ,

Сталъ почти неузнаваемъ
Мой свирѣпый малороссъ:
Восхищался южнымъ краемъ,
Всѣмъ довольный, какъ Панглоссъ,

Не ворчалъ и не судачилъ,
И, здоровъ и бодръ опять,
О своей Марусѣ началъ
Даже искренно скучать.

И меня такого рода
Фактъ заставилъ думать такъ,
Что избытокъ кислорода
Пессимизма—первый врагъ.

Д. Минаевъ.

* * *

На исходѣ лѣта въ Ялтѣ
Слишкомъ шумно, слишкомъ модно,
И искать уединенья
Тамъ, конечно, очень трудно.

Только смѣнитъ вечеръ ясный
Зной томительнаго дня,
Просыпается движенье,—
Грохотъ, звонъ и бѣготня.

Слышны смѣхъ и женскій говоръ
На террасахъ и балконахъ;
Скачетъ публика въ колясках,
Въ шарабанахъ, въ фаэтонахъ.

То промчится кавалькада...
Лицъ, фигуръ, нарядовъ смѣсь.
А туда, на берегъ моря,
Высыпаетъ городъ весь.

Тутъ найдемъ разнообразье,
Пестроту калейдоскопа,
Тутъ лицомъ къ лицу съ Востокомъ
Часто сходится Европа.

Тутъ мы встрѣтимъ иностранцевъ,
Кіевлянъ, костромичей,
Снобсовъ съ Невскаго проспекта
И съ Арбата москвичей,

Изъ Берлина офицеровъ,
Моряковъ съ британской шкуны,
Счастья баловней, живущихъ
Подъ охраною фортуны

И, пока не разразилась
Надъ счастливцами гроза,
На большой дорогѣ жизни
Пыль пускающихъ въ глаза.

Д. Минаевъ.

* * *

О, художникъ, если взялъ ты
Въ руки посохъ пилигрима,
Чтобъ узнать красоты Крыма,
Убѣжимъ изъ модной Ялты

Въ горы, дальше отъ движенья...
Въ тридцати верстахъ отъ шумной
Суеты ея безумной
Есть татарское селенье.

Не далась ему извѣстность,
Объ Алуштѣ не кричали,
Но въ Крыму найдемъ едва-ли
Привлекательнѣе мѣстность.

Оглянись! Здѣсь воздухъ чище,
Живописнѣй видъ—не такъ ли?
По горѣ гнѣздятся сакли,
Съ плоской кровлею жилища,

И сбѣгаютъ горной кручей
Внизъ, туда, гдѣ спитъ долина.
Слѣва—горы и вершина
Чатырдага: сизой тучей

Какъ чалмой она обвита;
Справа—море вѣчно плещетъ,
И подъ всей картиной блещетъ,
Съ горизонта до зенита,

Неба куполъ бирюзовый.
Сколько зелени и блеска!
Тамъ, въ листвѣ садовъ, какъ рѣзко
Выдѣляется суровый

Кипарисъ!.. А великаны,
Эти тополи, упрямо
Словно въ небо рвутся прямо,
Какъ зеленые фонтаны.

Тишина кругомъ. Порою,
Грянетъ выстрѣлъ отдаленный,
И орелъ, имъ пробужденный,
Пролетаетъ надъ горою.

Д. Минаевъ.

* * *

Плоскій берегъ. Въ часъ купанья
Всюду видны, здѣсь и тамъ,
Разноцвѣтные костюмы
Въ морѣ плавающихъ дамъ.

Тутъ и дѣти, какъ амуры,
Съ крикомъ плещутся, шалятъ;
Вотъ съ горы, въ покровѣ бѣломъ
Съ головы до самыхъ пятъ,

Сходитъ къ морю молодая
Мусульманка, словно тѣнь
Въ бѣломъ саванѣ. На небѣ
Тихо гаснетъ алый день

И румянитъ профиль горныхъ,
Свѣтомъ залитыхъ, вершинъ.
Чу! къ молитвѣ правовѣрныхъ
Призываетъ муэдзинъ;

А вдали, въ волнахъ, дельфины,
Эти клоуны морей,

Кувыркаются, играютъ
Въ дикой рѣзвости своей.

Д. Минаевъ.

Чудный край! Здѣсь бьется сердце
Такъ отзывчиво, такъ чутко...
Почему-же намъ на югѣ
Хорошо, но какъ-то жутко?

Почему насъ раздражаетъ
Раннимъ утромъ, въ часъ заката,
Эта праздничная роскошь
Красокъ, свѣта, аромата,

Это небо, постоянно
Голубое, вздохи моря?
Или такъ сильна привычка,
Неотвязная, какъ горе,

Та привычка роковая
Къ вѣчнымъ сумеркамъ, къ туманамъ,

Къ безконечному простору
Нашихъ нивъ и къ тѣмъ полянамъ,

Гдѣ не видятъ люди солнца
Иногда по полугоду,
Гдѣ мы грустною любовью
Любимъ грустную природу?..

Тамъ, на сѣверѣ далекомъ,
Мы слились съ другою сферой,
Мы привыкли къ сѣрымъ тучамъ,
Къ сѣрымъ буднямъ, къ жизни сѣрой,

И ликующія краски,
Блескъ и вѣчный праздникъ юга
Будятъ въ насъ невольный трепетъ
Изумленья и испуга.

Д. Минаевъ.

Изъ „Крымскаго Альбома."

Не грезилъ я, о нѣтъ, вѣдь на яву то было:
Нѣмые до небесъ, угрюмо и уныло
Вздымались къ облакамъ громады дикихъ скалъ,

А у подошвы жилъ заливъ съ его прибоемъ,
И пѣну на песокъ, съ злобѣщимъ, тихимъ воемъ,
Волнуясь и кипя, порывисто плескалъ.

Прижавшись у скалы, на камнѣ, боязливо,
Я слушалъ гулъ волны, я видѣлъ даль залива—
И зналъ, что я одинъ, совсѣмъ одинъ сейчасъ,
Что небо только мнѣ просторъ свой открываетъ,
Что море для меня шумитъ—не умолкаетъ,
И что никто, никто не раздѣляетъ насъ.

И было слышно мнѣ, какой холодной дрожью
Мой камень трепеталъ, когда къ его подножью
Бросался, пѣнясь, валъ, чтобы отпрянуть вновь...
Шли тихо гряды тучъ, громадныя, какъ горы...
Я такъ казался малъ, безъ силы, безъ опоры,
Что занимался духъ и застывала кровь!...

Къ тебѣ, природа-мать, я несъ свои тревоги,
Ждалъ ласки отъ тебя, но холодны, но строги
Остались для меня завѣтныя черты...
И только груды скалъ прибою отвѣчали:
„Безумецъ, въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни печали...
Мы нѣмы для небесъ... И нѣмъ для нихъ и ты...

С. Сафоновъ.

Ночь въ Ялтѣ.

Подъ покровомъ южной ночи
Чутко дремлетъ пышный садъ...
Звѣздъ мерцающія очи
Въ море Черное глядятъ...

Лавръ, магноліи, гранаты,
Кипарисы, рядъ мимозъ—
Темной нѣгою объяты...
Сладокъ запахъ туберозъ...

Море тихо... чуть лишь дышитъ,
Озаренное луной,
Чуть у берега колышетъ
Серебристою волной...

Гладь безбрежная уснула
Въ забытьи полночныхъ грезъ...
Небо-ль въ морѣ потонуло?..
Море съ небомъ ли слилось?..

Въ волнахъ—мѣсяца сіянье
И лучей его игра:

Блескъ алмазовъ, трепетанье,
Переливы серебра...

Горъ могучихъ силуэты
И вершины скалъ сѣдыхъ
Свѣтомъ призрачнымъ одѣты...
Воздухъ влаженъ, тепелъ, тихъ!...

Каприфоліи и розы
Ароматомъ обдаютъ...
Надъ душой витаютъ грезы—
И сверчки поютъ, поютъ!..

Гармоническихъ созвучій
Вся душа моя полна...
А въ мелодіи пѣвучей
Что-то шепчетъ все волна...

Е. П. Львова.

Изъ Крымскаго дневника.

... Свѣтаетъ ... Надъ моремъ, подъ пологомъ тучъ.
Лазурное утро свѣтлѣетъ;

Вершины байдарскихъ причудливыхъ кручъ
Неясно и мягко синѣютъ.

Какъ зеркало—море... Не плещетъ прибой...
Подъ легкой фатою тумана,
Въ ущельяхъ, гдѣ сумракъ тѣснится ночной,
Еще и прохладно и рано...

Но съ каждой минутой въ разсвѣтныхъ лучахъ
Яснѣютъ и берегъ, и море...
Какъ чудны здѣсь, въ этихъ зеленыхъ горахъ,
Весеннія свѣжія зори!..

И. Бунинъ.

* * *

На морскомъ берегу, на скалѣ,
Съ непонятною грустью во взорѣ,
Я сидѣлъ и глядѣлъ, какъ во мглѣ
Утопало туманное море;
Я глядѣлъ, какъ внизу, подъ мной,
Далеко отъ прибрежья, во мракѣ,

Чуть мерцающей тусклой звѣздой
Засвѣтилъ огонекъ на маякѣ...

И дождался прилива.. Пока
Возрасталъ его шумъ отдаленный,
Охватилъ меня страхъ—и тоска
Завладѣла душою смущенной...
Но потомъ изъ-за темныхъ зыбей
Свѣжій вѣтеръ пошлылъ надъ волнами,
Сталъ прибой величавѣй, ровнѣй,
Сталъ торжественнѣй шумъ надъ скалами.

И въ душѣ необъятной волной
Разросталося чувство свободы,
Словно ближе сталъ чуять душой
Я величье и тайны природы...
И всю ночь на пустынной скалѣ
Я сидѣлъ вдохновенно-безмолвный
И внималъ, какъ глубоко во мглѣ
Шумно пѣли холодныя волны...

И. Бунинъ.

Поэтическіе очерки
Украины, Одессы и Крыма.
(Отрывокъ).

Брега Тавриды искони
Страной плѣнительною слыли,
И красотой своей они
Иноплеменниковъ манили.
Къ нимъ черезъ бурный понтъ неслась
Судовъ безчисленныхъ армада:
Отъ Рима, Генуи, Царьграда,
Венеціи--и тамъ не разъ,
Гдѣ нынѣ путникъ на раздольѣ
Находитъ нѣгу и приволье,
Вражда кипѣла, кровь лилась.
Брегъ былъ усѣянъ городами,
Твердынями, монастырями,
Торговля быстро процвѣла;
Но вдругъ судьба произнесла
Свой грозный приговоръ,—и тучей
Неодолимой и могучей,
Какъ саранча, летитъ сюда
Пустынной Азіи орда,—

И вотъ изъ кочевого стана
И шалашей своей земли
Бичи—потомки Чингисъ-Хана
Въ палаты чуждой перешли,
И съ гордыхъ башенъ постепенно
Исчезли Генуи гербы:
Ихъ растоптали дерзновенно
Азійскихъ деспотовъ рабы!
А тамъ, гдѣ съ храмовъ крестъ спасенья
Лилъ вѣры благодатный свѣтъ,
Луна символомъ заблужденья
Пріосѣнила минаретъ!
И шли вѣка своей чредою!
Подъ ихъ могучею пятою
Стиралась жизнь минувшихъ лѣтъ....
Ударилъ часъ иныхъ побѣдъ—
И предъ славянскими орлами,
Которымъ въ мірѣ нѣтъ границъ,
Упалъ, затрепетавши, ницъ
Востокъ съ своими бунчуками!

Не разъ средь этихъ береговъ
Исторія воспламеняла

Свой свѣточъ—и сюда скликала
Своихъ любимѣйшихъ жрецовъ:
Здѣсь, разогнувъ скрижаль вѣковъ,
Страбонъ, Палласъ и Сестренцевичъ,
И Бларамбергъ и Муравьевъ
Искали древности слѣдовъ!

Здѣсь очарованный Мицкевичъ
Пѣлъ, музой призванный поэтъ,
Свой гармонической сонетъ!
И лавры пышные Тавриды
Отдали-бъ каждый свой листокъ,
Чтобъ сплесть безсмертному вѣнокъ!
Здѣсь Пушкинъ видѣлъ Нереиды
Неуловимыя красы
Въ тѣ сладострастные часы,
Когда звѣзда денницы блещетъ,
И море, зеленѣя, плещетъ
Въ тѣни оливковыхъ деревъ,
Вокругъ скалистыхъ береговъ!

. . . . . .

Прямой любимицей природы
Была Таврида создана!

И что нашъ сѣверъ передъ нею
Съ зимой угрюмою своею?
Таврическія небеса
Свѣтлѣй, лазурнѣй, чѣмъ глаза
Красавицы вполнѣ счастливой,
Когда съ любимымъ женихомъ
Она стоитъ предъ алтаремъ—
И взоръ плѣнительно стыдливый
Въ восторгѣ сердца возведетъ
На величавый храма сводъ!

Потоки, съ темя горъ свергаясь
И прихотливо извиваясь,
Разносятъ по садамъ свои
Благотворящія струи;
То пеленою серебристой,
Въ гремучій слившись водопадъ,
Нежданно со скалы кремнистой
И ярко блещутъ и висятъ;
То прямо путнику подъ ногу
Они бѣгутъ черезъ дорогу;
То съ непонятной быстротой,
Минуя дикіе утесы,

Кружатъ кипучею волной
Подгорной мельницы колесы!

А зелень яркая луговъ?
А благовоніе цвѣтовъ,
Кругомъ раскинутыхъ коврами?
А рощи—уголокъ Дріадъ,
Гдѣ на деревьяхъ, какъ вѣнками,
Повисъ тяжелыми кистями
Свободно—дикій виноградъ?
Такой роскошной красотою
Обогащенъ счастливый край—
И путникъ съ пламенной душою,
Довольный жизнью и собою,
Не разъ воскликнетъ: это рай!

И. Бороздна.

Таврида.

(Отрывки).

Чудесный край! Въ одно мгновенье
Ты намъ являешь и снѣга—

Огромной Яйлы украшенье—
И благовонные луга.
Здѣсь благотворная природа
Въ одно круговращенье года
Соединяетъ межъ собой
Весну съ вѣнчанною главой
Великолѣпными цвѣтами
И осень, щедрыми дарами
Вознаграждающую трудъ
Оратая; здѣсь съ шумомъ бьютъ
Изъ-подъ сѣнистаго навѣса
Гранитно-мшистаго утеса
Кристаловидные ручьи;
Ихъ жизни полныя струи
Поятъ окрестности прохладой,
И служатъ сладостной отрадой
Усталости въ палящій день,
Маня въ гостепріимну тѣнь,
Которую древа сплетаютъ
Окрестъ по злачнымъ берегамъ,
И сѣнь волнистую бросаютъ
По свѣтло-зеркальнымъ водамъ.

. . . . . .

Здѣсь извивается стезей
Сребристою Бельбекъ игривый;
Здѣсь онъ цѣлебною струей
Златыя орошаетъ нивы;
Здѣсь отражаетъ онъ въ волнахъ,
Какъ въ зеркалѣ, брега крутые,
Роскошные древа густые,
Окрестъ цвѣтущіе въ садахъ,
И подъ зелеными коврами
Пологость тучную холмовъ,
Всегда усыпанныхъ стадами
Овецъ бродящихъ и воловъ.
Лишь только первыми лучами
Освѣтитъ солнце спящій міръ,
И нѣгой дышущій зефиръ
Навѣетъ легкими крылами
На свѣтло-голубой эѳиръ
Животворящую прохладу;
Я забываю сна отраду,
Спѣшу къ брегамъ твоимъ, Бельбекъ!
И подъ развѣсистою тѣнью
Деревъ, которыхъ цѣлый вѣкъ
Склонить не можетъ къ разрушенью,

Читаю милыхъ мнѣ пѣвцовъ.—

. . . . . .

М. Сарандинаки.

Крымскіе пейсажи.

[Море]

Роскошной природы роскошна картина.
По берегу моря рукой исполина
Разбросаны горы высокой грядой,—
Лазурное море жемчужной волной
Подножья скалистыхъ вершинъ омываетъ—
Играя, волна за волной набѣгаетъ
И, съ шумомъ ударясь о берегъ крутой,
Катится назадъ, серебристой каймой
Вдоль берега слѣдъ оставляя; и полны
И ласки, и нѣги шумящія волны.
Несутся по вѣтру онѣ издалека,—
Волшебныя сказки о чарахъ востока,
О царствахъ, сокрытыхъ въ морской глубинѣ,
Утесамъ—гигантамъ лепечутъ онѣ;

И къ морю склонились утесы, внимая
Легендамъ далекаго, чуднаго края.

А. Луговой.

* * *

Взбушевалося Черное море,
Валъ сердитый за валомъ бѣжитъ,
И, гуляя себѣ на просторѣ,
Потемнѣвшее море бурлитъ.

И на берегъ, какъ звѣрь разъяренный,
За волною несется волна,
И утеса хребетъ обнаженный
Наконецъ достигаетъ она.

Кипарисовъ высокихъ коренья
Пѣной бѣлой она обдаетъ
И, швыряя на берегъ каменья,
За собой снова въ бездну влечетъ.

Вдругъ съ зубчатой скалы Аю-Дага
Выплываетъ луны свѣтлый кругъ,

Освѣщаетъ лѣсокъ у оврага
И всѣ темныя балки вокругъ.

И все выше, надъ темной горою,
Въ синемъ небѣ сверкаетъ луна,
И огромной златой полосою
Отражается въ морѣ она.

И какъ будто волшебною силой,
Вдругъ стихая, морской валъ бѣжитъ
И, плескаясь о берегъ унылый,
Голышами чуть слышно шуршитъ....

Засыпаетъ сердитое море,
Чуть колышется мощная грудь,
И въ синѣющемъ, дальнемъ просторѣ
Волны сами готовы заснуть.

И всю ночь ту, на небѣ высокомъ,
Яркимъ свѣтомъ блистала луна,
Точно въ морѣ безбрежномъ, глубокомъ
Она радость и счастье нашла.

Кн. Е. Горчакова.

* * *

Прости, Артекъ! Увижу-ль я, не знаю,
Когда-нибудь волшебный берегъ твой,
Твоихъ лѣсовъ тѣнистыя дубравы
И лугъ зеленый, солнцемъ залитой,

И моря плескъ на берегъ каменистый,
На горизонтѣ дальнемъ утлый челнъ,
Дельфиновъ рѣзвыхъ бѣшеную пляску
Среди недвижныхъ, темносинихъ волнъ.

Но знаю я, что долго помнить буду,
Какъ мнѣ жилось счастливо и легко
Въ томъ домикѣ, гдѣ розы, распускаясь,
Съ плющемъ зеленымъ вьются высоко,

Гдѣ кипарисовъ рядъ, какъ великаны,
Бросаютъ тѣни длинныя кругомъ,
Гдѣ цвѣтъ мимозы солнышко ласкаетъ,
Передъ закатомъ, розовымъ лучемъ,

Гдѣ моремъ я такъ часто любовалась,
Въ тѣни магнолій и душистыхъ лавръ,

Гдѣ предо мной, какъ тѣни воскресали,
Эллады сынъ и полудикій Тавръ....

И тамъ вдали, на мысѣ Аю-Дага,
Казалось мнѣ, сіялъ Діаны храмъ;
Мечемъ сверкала дѣвственная жрица,
Лилася кровь, курился ѳиміамъ.

Но храмъ богини гордой распадался,
На мѣстѣ томъ высоко крестъ сіялъ,
И изъ пещеръ хоръ стройный неофитовъ
Мольбы свои къ Святому возсылалъ....

Растутъ повсюду храмы дорогіе,
Таврида христіанская цвѣтетъ,
Забыты всѣ печальныя годины,
Кровавый потъ и Римлянъ тяжкій гнетъ....

Съ востока вдругъ, какъ туча громовая,
Несется вихремъ за ордой орда,
Низвергнутъ Крестъ, и подъ чалмой кровавой
Встаетъ во тьмѣ кровавая Луна.

И стонетъ Крымъ подъ игомъ мусульманскимъ,
Рыданья слышны христіанскихъ женъ....

Но Русь идетъ—и полчища невѣрныхъ
Бѣгутъ толпами отъ ея знаменъ.

Цвѣти же вновь, роскошная Таврида,
Святой Руси прелестнѣйшая дочь!...
Ты спасена отъ тягостнаго ига!
Твоимъ врагамъ тебя не превозмочь....

Кн. Е. Горчакова.

Изгнанникъ.

Сонетъ.

На чуждыхъ берегахъ плѣнительной Тавриды,
Гдѣ къ ясной вышинѣ лазурныхъ, дикихъ горъ
Несется звучно пѣснь влюбленной Нереиды,
Я русскихъ поселянъ услышалъ дальній хоръ.

И встали предо мной родные сердцу виды,
За темной пашнею синѣлъ угрюмый боръ...
И вспомнилъ я судьбы тяжелыя обиды,
И горекъ былъ тогда мой немощный укоръ.

Я видѣлъ предъ собой поля моей отчизны,
Я руки простиралъ къ странѣ моей родной,
И голосъ мой звучалъ, какъ вопль надгробной
тризны...

Но было въ вышинѣ все ясно надо мной;
И горестнымъ мольбамъ безумной укоризны
Лишь море вторило стозвучною волной.

В. Шуфъ.

Таврида.

Тамъ, гдѣ когда-то храмъ Діаны
Смотрѣлся въ синюю волну,
Я былъ, и сонные фонтаны
Журчали мнѣ про старину.

Вдоль скалъ куреньемъ ѳиміама
Дымились тучи при лунѣ,—
Колонны мраморныя храма
Въ ихъ очертаньяхъ снились мнѣ.

Вились тамъ скользкія ступени,
И я спускался къ морю внизъ,
Гдѣ мирты спали, точно тѣни,
И цвѣлъ угрюмый кипарисъ.

Я видѣлъ станъ и ликъ неясный
Сквозь листья лавра у ручья....
Не Ифигеніи-ль прекрасной
Тамъ встрѣтилъ блѣдный образъ я?

Вникая въ шопотъ Нереиды,
Смотря на скалы и цвѣты,
Я узнавалъ въ цвѣтахъ Тавриды
Далекой Греціи черты.

Такъ археологъ, открывая
Обломки урны изъ земли,
На нихъ глядитъ—и, какъ живая,
Быль встанетъ въ прахѣ и пыли.

В. Шуфъ.

Коса.—Древности Керчи.

Я видѣлъ: бережно, за рамой и стекломъ
Хранились древности остатки дорогіе—
Вѣнцы блестящіе, запястья золотыя
И вазы чудныя, стоящія кругомъ,
И все, что отдали курганы и гробницы—
Амфоры пирныя, и кольца, и слезницы,
И все была свѣжа ихъ древняя краса;
Но средь вѣнцовъ и чашъ, въ богатомъ ихъ собраньѣ,
Влекла къ себѣ мое несытое вниманье
Отъ женской головы отпавшая коса,
Достойная любви восторговъ и стенаній,
Густая, черная, сплетенная въ три грани,
Изъ вѣчной тьмы могилъ изшедшая на свѣтъ
И неизмятая подъ тысячами лѣтъ,
Межъ тѣмъ, какъ столько косъ съ ихъ царственной красою
Изсѣклось времени нещадною косою.
Нетлѣнный блескъ вѣнцовъ меня не удивлялъ;
Не дивно было мнѣ, что эти діадимы
Прошли ряды вѣковъ, все въ цѣлости хранимы:

Въ нихъ рдѣло золото—прельстительный металлъ!
Онъ время соблазнитъ, и вѣчность онъ подкупитъ—
И та ему удѣлъ безсмертія уступитъ;—
Но—эта прядь волосъ...ужели и она
Всевластной прелестью надъ временемъ сильна—
И око вѣчности на этотъ даръ прекрасный
Глядѣло издали—съ улыбкой сладострастной?
Гдѣ жъ свѣтлые глаза той дивной головы,
Съ которой волосы остались намъ?... Увы!
Глаза.... они весь міръ, быть можетъ, сокрушали,
Диктаторовъ, царей и консуловъ смущали,
Огни кровавыхъ войнъ вздувая и туша,—
Глаза, гдѣ было все: свѣтъ, жизнь, любовь, душа,
Гдѣ лучъ небесъ сіялъ, безсмертье ликовало.—
О, дайте, говорю, мнѣ—видѣть ихъ привѣтъ!—
И, мнится, вижу я, какъ выставилъ скелетъ
На желтомъ черепѣ два страшные провала.

Бенедиктовъ.

Мертвая коса.

(Въ Керчи).

Ни мраморные бюсты, ни гробницы,
Ни урны съ пепломъ киммерійскихъ грековъ,
Ни золотыя кольца, ни запястья,
Ни вазы, ни каменья, ни слезницы,
Ни пышные блестящіе вѣнцы,
Ничто меня въ моей Пантикапеѣ
Такъ не могло плѣнить и поразить,
Какъ длинная коса, коса гречанки,
Коса давно умершей красоты....

Недвижимый, растерзанный печалью,
Стоялъ я въ темной залѣ передъ ней
И былъ готовъ излюбленное сердце
Опять огнемъ желаній распалить....
Кого коса такая осѣняла,
На чьей она головкѣ распускалась?
Простая-ль дѣвушка въ цвѣты и въ ленты
Ее безмолвно убирала—тщетно
Дружка съ морей далекихъ поджидая,
Не дождалась, измучилась, страдая,
Невидимо угасла въ нищетѣ,

Была, какъ должно, сожжена, какъ должно,
Зарыта въ землю, въ погребальной урнѣ,
Тысячелѣтье свѣта не видала—
И вновь себя спасенною косой
Напомнила забывчивому свѣту?...

Иль гордая красавица—кумиръ
Лѣнивой молодежи стихотворцевъ,
И городскихъ, румяныхъ объѣдалъ,
И городскихъ роскошныхъ сибаритовъ—
Ее вѣнцомъ лавровымъ осѣняла,
Готовясь сѣсть за брачную трапезу
Съ богатымъ гражданиномъ пышной Кафы,—
Была внезапно быстрою чумой
Поражена, скончалась въ страшныхъ мукахъ,
Легла, на столъ веселья, блѣднымъ трупомъ,
Была рукой наемниковъ дрожащихъ,
Пугая самый воздухъ, сожжена,
И, наконецъ, тебя намъ завѣщала,
Душистая и черная коса—
Нѣмая и таинственная надпись
Надъ урною погибшей красоты?

Г. Данилевскій.

Изъ Крымскихъ картинокъ.

Туманный день. Съ разсвѣта въ облакахъ
Фруктовые сады во глубинѣ долины
И горъ Таврическихъ далекія вершины,
И ихъ глава—угрюмый Чатырдагъ.

Нѣтъ вида чуднаго, той дивной панорамы
Долины горъ и зелени садовъ,
Живой картины той, которой рама--
Безоблачныхъ небесъ синѣющій покровъ.

Въ туманѣ спрятались и тѣ руины башенъ,
Которыми давно, въ прошедшіе вѣка,
Старинный Алустонъ врагамъ своимъ былъ страшенъ,
И стѣнъ его была твердыня высока.

Но видно ничего, и тишь кругомъ нѣмая,
И только слышится морской волны прибой,
Когда она, дробясь и пѣной разсыпаясь,
На берегъ плещется одна вслѣдъ за другой...

Вдругъ легкій вѣтерокъ,—и вотъ ужъ видно море,
Судовъ и кораблей пловущихъ паруса

И дальній горизонтъ, гдѣ вольно на просторѣ
Съ морскою синевой слилися небеса;

Взглянулъ назадъ—и чудо! Горъ вершины
И даже склоны ихъ стоятъ на облакахъ
И гордо высятся надъ сумрачной долиной,
Какъ замки грозные тамъ—гдѣ-то въ небесахъ...

Д. Стажѣевъ.

Ранняя осень въ Крыму.

Солнце не жжетъ, а, лучами лаская,
Весело смотритъ съ спокойныхъ небесъ.
Изрѣдка листъ пожелтѣвшій роняя,
Дремлетъ, какъ въ сказкѣ, задумчивый лѣсъ.

Въ воздухѣ чистомъ висятъ паутины;
Пахнетъ упавшею прѣлой листвой;
Мирно въ садахъ доцвѣтаютъ куртины;
Вянетъ трава и шуршитъ подъ ногой.

Носится сизый туманъ надъ долиной
Въ блескѣ холодной осенней зари,

И, не спѣша, вереницею длинной
Тянутся съ крикомъ на югъ журавли.

Пышно убрались деревья плодами,
Лѣтній зеленый смѣняя нарядъ,
И, обвивая веранды, кистями
Нѣжный, душистый виситъ виноградъ.

Чудная осень, пора дорогая,—
Время безоблачныхъ ясныхъ небесъ,—
Гордо стоишь ты, дары разсыпая,
Вся утонувшая въ мірѣ чудесъ!

Л. Бѣляева.

Маюме.

Крымское сказаніе

[Отрывки]

Волшебный край любви и нѣгъ,
И дружбы ласковой и чудной!
Жилище, горы, человѣкъ
Родные тамъ, какъ съ моремъ—брегъ,
Какъ съ брегомъ тополь изумрудный.

Тамъ ночью царство дивныхъ грезъ,
Тамъ цѣлый міръ чудесъ, сіянья!..
Тамъ ароматъ магнолій, розъ
Пьянитъ, какъ жгучее лобзанье.
Тамъ кипарисъ стрѣлой растетъ,
Безсмертный лавръ благоухаетъ,
И мѣсяцъ съ влагой темныхъ водъ
Дождемъ брильянтовымъ играетъ.
Звончѣй тамъ пѣсни соловья,
Милѣй паденье водопада
И говоръ горнаго ручья,
И моря синяго струя,
И въ зной—древесная прохлада.

* * *

Между кустами пышныхъ розъ,
Какъ стражъ у каменной гробницы,
Могильный кипарисъ возросъ
Неподалеку отъ темницы.

Лишь только въ небѣ, роемъ осъ,
Исчезнутъ звѣзды-чаровницы

И красокъ нѣжащихъ хаосъ
Прогонитъ алый блескъ денницы,

Тамъ гимны грустные свои
Поютъ звончѣе соловьи:
Вздыхаетъ вѣтеръ чужедальній,

И на траву, какъ жемчугъ слезъ,
Росу роняютъ вѣтви розъ
Въ истомѣ сладостно-печальной.

А. Ѳедоровъ.

Ночь въ Крыму.

На прибрежье росистое
Смотрятъ звѣзды лучистыя,
Кипарисы спокойные
Дышатъ нѣгою знойною;

Изъ фонтана отрадная
Бьется струйка прохладная,
И Яйлы очертанія
Спятъ, полны обаянія.

Дремлетъ лѣсъ невидимкою
Подъ туманною дымкою,
Напоенъ ароматами.
Замирая надъ скатами,

Тихо таютъ усталыя
Облачка запоздалыя,
И луной озареное,
Плещетъ море безсонное...

Л. Бѣльскій.

На южномъ берегу.

Спустилась тьма. Вершины горъ
Туманъ окуталъ синій;
Тѣснѣй сомкнулся кругозоръ
Въ извивахъ мягкихъ линій.

Отъ чащи лавровъ и чинаръ,
Клоня ко сну и лѣни,
На сакли плоскія татаръ
Легли ночныя тѣни.

Но какъ прозрачна, какъ ясна
Луна въ вѣнцѣ сіянья!
Какъ щедро мгла напоена
Волной благоуханья!

Какъ близокъ звѣздъ дрожащій рой
Въ мерцаньи ночи юга!...
Какъ нѣженъ въ пѣснѣ голосъ твой,
Счастливыхъ дней подруга!

Какъ звученъ въ чуткой тишинѣ
Залива плескъ пѣвучій!
Какъ много въ сердца глубинѣ
Невѣдомыхъ созвучій!...

В. Грибовскій.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГОРЫ,

ДОЛИНЫ И СТЕПИ.

Видъ горъ изъ степей Козлова.

(Мицкевича)

Пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

Мирза.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная мятель,
Потоковъ видѣлъ колыбель;
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.

Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдагъ былъ...

Пилигримъ.

А!...

М. Лермонтовъ.

Видъ горъ со степей Козлова.

[Мицкевича]

ПИЛИГРИМЪ И МУРЗА.

Пилигримъ.

Аллахъ-ли самъ воздвигъ тамъ море льда стѣною?
Иль ангеламъ отлилъ престолъ изъ мерзлыхъ тучъ?
Иль Дивы двинули преграду полъ-землею,
Чтобъ каравану звѣздъ пресѣчь съ востока путь?

Какое зарево!... Пожаръ то Истамбула!..
Аллахъ-ли самъ для всѣхъ плывущихъ тамъ свѣтилъ,

Когда покровъ свой ночь надъ міромъ протянула,
Багровый тотъ фонарь средь неба засвѣтилъ?—

Мурза.

Тамъ?—Былъ я: тамъ зима!—Тамъ клювами потоки
И рѣки горломъ пьютъ изъ хладнаго гнѣзда;
Тамъ мерзнетъ паръ изъ устъ въ одно мгновенье ока;
Тамъ тучамъ и орламъ путь замкнутъ навсегда,
И въ лонѣ облаковъ громъ дремлетъ одиноко...
Тамъ надъ чалмой моей одна звѣзда была:
То Чатыръ-дагъ!

Пилигримъ.

Аа!!.....

Н. Луговскій.

Между скалъ.

Бѣлѣ.о море вѣчной пѣной.
Татарскій конь по брегу мчалъ
Меня къ обрывамъ страшныхъ скалъ
Межъ Симеисомъ и Лимоной,—

И вотъ—онѣ передо мной
Ужасной высятся преградой;
На камнѣ камень вѣковой;
Стѣна задвинута стѣной;
Громада стиснута громадой;
Скала задавлена скалой.
Нагромоздившіяся глыбы
Висятъ, спираясь надъ челомъ,
И дико брошены кругомъ
Куски, обломки и отшибы;
А время, ставъ на ихъ углы,
Ихъ медленно грызетъ и рѣжетъ.
Здѣсь слышенъ визгъ его пилы,
Его зубовъ здѣсь слышенъ скрежетъ.
Здѣсь Богъ, когда живую власть
Свою твореньемъ Онъ прославилъ,
Хаоса дремлющую часть
На память смертному оставилъ.
Зіяютъ челюсти громадъ;
Ихъ ребра высунулись дико,
А тамъ—подъ ними—вѣчный адъ,
Гдѣ мракъ—единственный владыка,—
И въ этой тьмѣ радъ-радъ ѣздокъ,

Коль чрезъ прорывъ между-утесный
Кой-гдѣ мелькаетъ свѣтоносный
Хоть скудный неба лоскутокъ.
А между тѣмъ растутъ преграды,
Все жмутся къ морю скалъ громады,
И поперекъ путь узкій мой
Вдругъ перехваченъ: нѣтъ дороги!
Свернись, мой конь, ползи змѣей,
Стели раскидистыя ноги,
Иль въ камень ихъ вонзай!—Идетъ;
Подковы даромъ не иступитъ,
Опасный встрѣтивъ переходъ,
Онъ станетъ—окомъ поведетъ—
Подумаетъ—и переступитъ,—
И по осколкамъ роковымъ,
Въ скалахъ, чрезъ ихъ нависшій куполъ,
Копытомъ чуткимъ онъ своимъ
Дорогу вѣрную нащупалъ.
Уже я скалы миновалъ;
Съ конемъ разумнымъ мы летѣли;
Ревѣлъ Евксинъ, валы бѣлѣли,
И громъ надъ бездной рокоталъ.

Средь яркихъ прелестей созданья
Взгрустнулось сердцу моему:
Оно тамъ жаждетъ сочетанья:
Тамъ тяжко, больно одному.
Но, путникъ, ежели порою
Въ сей край обрывовъ и стремнинъ
Закинутъ будешь ты судьбою—
Здѣсь—прочь людей! Здѣсь будь одинъ!
Бѣги сопутствующихъ круга,
Оставь избранницу любви,
Оставь наперсника и друга,
Отъ сердца сердце оторви!
Съ священнымъ трепетомъ ты внидешь
Въ сей новый міръ, въ сей дивный свѣтъ:
Громады, бездны здѣсь увидишь,
Но нѣтъ земли, и неба нѣтъ;
Благоговѣнье трисвятое
Въ тебя прольется съ высоты,
И коль тогда здѣсь будетъ двое,
То будутъ только—Богъ и ты.

Бенедиктовъ.

Потоки.

Не широки, не глубоки
Крыма водные потоки,
Но зато ихъ цѣлый рой
Сброшенъ горною стѣной.—
И бѣгутъ они въ долины,
И чрезъ камни и стремнины
Звонкой прыгаютъ волной,
Тамъ віясь въ живомъ узорѣ,
Тамъ теряясь между скалъ,
Или всасываясь въ море
Остріемъ змѣиныхъ жалъ.
Смотришь: вотъ—земля вогнулась
Въ глубину глухимъ котломъ,
И растительность кругомъ
Густо, пышно развернулась.
Чу! Ключи, ручьи кипятъ,—
И потоковъ быстрыхъ змѣйки
Сквозь подземныя лазейки
Пробираются, шипятъ;
Подъ кустарникомъ кудрями
То скрываются въ тѣни,

То блестящими снурами
Межъ зелеными коврами
Передернуты они,
И, открыты лишь частями,
Шелковистый рѣжутъ долъ,
И жемчужными кистями
Низвергаются въ котелъ.

И порой сѣдыхъ утесовъ
Расплываются глаза,
И изъ щелей ихъ съ откосовъ
Брызжетъ хладная слеза;
По уступамъ въ перехватку,
Въ пересыпку, въ перекатку,
Слезы тѣ бѣгутъ, летятъ,
И снопами водопадъ,
То въ припрыжку, то въ присядку,
Бьетъ съ раската на раскатъ;
То виситъ жемчужной нитью,
То, ударивъ съ новой прытью,
Въ перегибъ и въ переломъ
Онъ клубами млечной пѣны
Мылитъ скалъ крутыя стѣны,

Скачетъ въ воздухъ серебромъ,
На мгновенье въ безднахъ вязнетъ
И опять летитъ впередъ,
Пляшетъ, отпрысками бьетъ,
Небо радугами дразнитъ,
Самъ себя на части рветъ.

Вамъ случалось ли отъ жажды
Умирать? и шелестъ каждый
Шопотливаго листка,
Трепетанье мотылька,
Шумъ шаговъ своихъ тоскливыхъ
Принимать за шумъ въ извивахъ
Родника иль ручейка?
Нѣтъ воды! Нѣтъ мѣръ страданью;
Смерть въ глазахъ, а ты иды
Съ пересохшею гортанью,
Съ адскимъ пламенемъ въ груди!
Пыльно,—душно,—зной,—усталость!
Мать-природа! Гдѣ же жалость?
Дай воды! Хоть каплю!—Нѣтъ!
Словно высохъ цѣлый свѣтъ.
Нѣтъ, повѣрьте, нетерѣпньемъ

Вы не мучились такимъ,
Ожидая, чтобъ явленьемъ
Васъ утѣшила своимъ
Ваша милая: какъ слабы
Тѣ мученья!—И когда бы
Въ мигъ подобный вамъ она
Вдругъ явилась, вся полна
Красоты и обаянья,
Нѣги, страсти и желанья,
Вся готовая любить,—
Вмигъ сей мыслью, можетъ быть,
Вы бъ исполнились единой:
О, когда бъ она Ундиной
Или нимфой водяной
Здѣсь явилась предо мной!
И ручьями бъ разбѣжалась
Шелковистая коса,
И на струйки бы распалась
Влажныхъ локоновъ краса.
И струи тѣ, пробѣгая
Черезъ сводъ ея чела
Слоемъ воднаго стекла,
И чрезъ очи ниспадая,

Повлекли-бъ и изъ очей
Охлажденныхъ слезъ ручей,
И потомъ двѣ водныхъ течи
Справа, слѣва и кругомъ
На окатистыя плечи
Ей низверглись,—и потомъ
Съ плечъ, гдѣ скрытъ огонь подъ снѣгомъ,
Тая съ каждаго плеча,
Снѣгъ тотъ вдругъ хрустальнымъ бѣгомъ
Покатился-бы, журча,
Влагой чистаго ключа,--
И къ объятіямъ отверсты
Двѣ лилейныя руки
Стали сгибами рѣки;
Растеклись въ фонтанахъ персты,-
И—не съ жаркой глубиной,
Но съ святымъ безстрастья хладомъ—
Грудь разсыпалась каскадомъ
И расхлынулась волной!

Бенедиктовъ.

Обвалы.

Что за громъ?—То грозные обвалы.
Тяготѣнья вервь напряжена,
Непрерывно тянетъ сверху скалы
Въ глубь долинъ и валитъ ихъ она.
Вотъ и здѣсь—кругомъ онѣ нависли
И готовы, кажется, упасть.
Я подъ ними: роковая власть
Тяжести мои смущаетъ мысли.
Можетъ быть, сдастся мнѣ, сейчасъ—
Въ этотъ мигъ—сорвется этихъ массъ
Надо мной висящая громада,
Съ грохотомъ и скрежетаньемъ ада,
И, моей вѣнчая жизни блажь,
Здѣсь меня раздавитъ этотъ кражъ,
И, почетъ соединивъ съ обидой,
Надо мной онъ станетъ пирамидой,
Сложенной изъ каменныхъ пластовъ.
Лишь мелькнетъ послѣднее мгновенье—
Въ тотъ же мигъ свершится погребенье,
Въ тотъ же мигъ и памятникъ готовъ.
Похоронъ торжественныхъ расходы,

Памятникъ,—громаднѣе, чѣмъ своды
Всѣхъ гробницъ,—и залпъ громовъ, и трескъ,
Пѣвчій—вѣтръ, а факелъ—солнца блескъ,
Слезы—дождь, все, все на счетъ природы,
Все отъ ней —и гдѣ? въ какомъ краю?—
За любовь къ ней страстную мою!

Бенедиктовъ.

Пещеры.—Кизиль-коба.

Гдѣ я?—Въ какой-то мглѣ сырой;
Тяжелый сводъ надъ головой:
Я въ мрачной области пещеръ,
Которымъ нѣтъ числа и мѣръ;
Съ семьею спутниковъ моихъ
Погрязъ я въ пропастяхъ земныхъ.
Но вотъ—въ утробѣ мы земли
Свои свѣтильники зажгли—
И озаренъ подземный домъ.
Гляжу: сокровища кругомъ;
Въ роскошныхъ формахъ сталактитъ

Холодной накипью блеститъ;
Тамъ въ тяжкихъ массахъ вывелъ онъ
Рядъ фантастическихъ колоннъ;
Здѣсь облачный покинулъ сводъ;
Тутъ пышнымъ пологомъ идетъ,
И, забранъ въ складкахъ надо мной,
Виситъ широкой бахромой,
И манитъ путника прилечь,
Заботы жизни сбросить съ плечъ,
Явленья грустныя забыть,
На камень голову склонить,
На камень сердце опереть,
И съ нимъ сліясь—окаменѣть.

То—узкій ходъ, то—цѣлый храмъ—
И перлы, перлы по стѣнамъ.
Волшебный блескъ! Вся глубина
Алмазами окроплена:
Коснитесь—влага!—Капли слезъ,
Скажите, кто сюда занесъ?
Не слезы ль то жильцовъ земли
Сюда съ лица ея втекли,
Въ сердцахъ глубоко рождены
И въ глубину изъ глубины

Со всѣхъ сторонъ проведены?

Идемъ впередъ—ползем—скользимъ,
Подземный ходъ неистощимъ.
Сводъ каждый, каждая стѣна
Хранитъ здѣсь бывшихъ имена,
И силой хищной ихъ руки
Отъ стѣнъ отшибены куски;
Рубцы и язвы сихъ громадъ
Слѣдъ ихъ грабительства хранятъ,—
И сами собственной рукой
Они здѣсь чертятъ вензель свой,
И въ сихъ чертахъ заповѣдныхъ—
Печаль подземной славы ихъ.
И кто здѣсь имя не вписалъ,
И кто отъ этихъ чудныхъ скалъ
Куска на память не отсѣкъ?
Таковъ тщеславный человѣкъ!
Созданьемъ, дѣломъ ли благимъ,
Иль разрушеньемъ роковымъ,
Бѣдой ли свой означивъ путь,
Чертой ли слабой—чѣмъ нибудь—

Онъ любитъ слѣдъ оставить свой
И на землѣ и подъ землей.

Бенедиктовъ.

Чатырдагъ.

Онъ здѣсь!—Въ средину цѣпи горной
Вступилъ, и давъ ему просторъ,
Вокругъ почтительно, покорно
Раздвинулись громады горъ.
Своимъ величьемъ имъ неравный,
Онъ сталъ—одинъ, и въ небосклонъ
Вперя свой взоръ полудержавный,
Сановникъ горъ—изъ Крыма онъ,
Какъ изъ роскошнаго чертога,
Оставивъ міръ дремать въ пыли,
Приподнялся—и въ царство Бога
Пошелъ посланникомъ земли.
Подъ исполинскими пятами
Раскинувъ армію холмовъ,
Повитъ широкими крылами

Орловъ парящихъ, онъ съ орлами
Прошибъ затворы облаковъ,—
Зеленый плащъ вкругъ плечъ расправилъ,
И, выся темя наголо,
Подъ громъ и молнію подставилъ
Свое открытое чело,
И тамъ—воинственный, могучій—
За Крымъ онъ ратуетъ съ грозой,
Подъ мышцы схватываетъ тучи
И блещетъ свѣтлой головой.

И вотъ—я стою на хлодной вершинѣ.
Все тихо, и глухо, и темно въ долинѣ.
Лежитъ подо мною во мракѣ земля,
А съ солнцемъ давно перевѣдался я;
Мнѣ первому лучъ его утренній выпалъ,
И выказалъ пурпуръ, и злато разсыпалъ.

Таврида—красавица вся предо мной.
Стыдливо къ ней крадется лучъ золотой
И гонитъ слегка ея сонъ чародѣйный;
Завѣсу тумана, какъ пологъ кисейный,
Отдернулъ, и перлы восточные ей

Роняетъ на пряди зеленыхъ кудрей.

Вздохнула—проснулась красавица міра,
Свой станъ опоясала лентой Салгира,
Цвѣтами украсилась, грудь подняла
И въ зеркало моря глядится: мила!
Прекрасна!—Полна ей ниспосланнымъ благомъ
И смотритъ невѣстой, а мы съ Чатырдагомъ
Глядимъ на нее изъ отчизны громовъ,
И держимъ надъ нею вѣнецъ облаковъ.

Бенедиктовъ.

Чатырдагскіе ледники.

Разомъ здѣсь изъ жаркой сферы
Въ рѣзкій холодъ я вошелъ.
Здѣсь, на днѣ полу-пещеры—
Снѣга вѣчнаго престолъ;
А подъ нимъ нѣмыя стѣны;
Плотно затканныя мхомъ,
Вѣчной стражею безъ смѣны

Возвышаются кругомъ.
Чрезъ отверзтый зѣвъ утесовъ
Сверху въ сей заклепъ земной
Робко входитъ свѣтъ дневной,
Будто бъ онъ лишь для распросовъ:
Что творится подъ землей?—
Посланъ твердью свѣтовой.
Будто рынувшись съ разбѣга
По стѣнамъ на бездну снѣга,
Мохъ развѣсился надъ ней
Цѣлой рощей нисходящей,
Опрокинутою чащей
Нитей, прядей и кистей.
Что жъ? До сердца ль здѣсь расколотъ
Чатырдагъ?—Сказать ли: вотъ
Это сердце—снѣгъ и ледъ?
Нѣтъ, безстрастный этотъ холодъ
Сдержанъ Крымскою горой
Подъ наружной лишь корой.
Но и здѣсь не безъ участья
Къ вамъ природа, и безстрастья
Въ ней законченнаго нѣтъ:
Здѣсь на тяжкій стонъ несчастья

Эхо стонетъ вамъ въ отвѣтъ,
Словно другомъ быть вамъ хочетъ
Съ вашимъ смѣхомъ захохочетъ,
Съ вашимъ крикомъ закричитъ,
Вмѣстѣ съ вами замолчитъ,
Сердцу въ мукахъ злополучья
Шлетъ отзвучья и созвучья:
Вздохъ вашъ скажетъ—охъ, бѣда!—
И оно вамъ скажетъ—да!—
Такъ глубоко, такъ сердечно!
Этотъ воздухъ ледяной
Прохладитъ такъ человѣчно
Жгучій жаръ въ груди больной;
Онъ дыханье ваше схватитъ
И надъ этимъ ледникомъ
Тихо, бережно покатитъ
Пара дымчатымъ клубкомъ.
Этотъ мохъ цвѣсти не станетъ,
До цвѣтовъ ему куда?
Да зато онъ и не вянетъ
И не блекнетъ никогда.
А къ тому жъ въ иные годы
Здѣсь, подъ солнечнымъ огнемъ,

Балъ Таврической природы
Слишкомъ жарокъ; чтобъ на немъ
Сладко грудь свѣжилась ваша,
Здѣсь мороженаго чаша
Для гостей припасена
И природой подана.
И запасъ другого блага
Скрытъ здѣсь – въ ребрахъ Чатырдага:
Тѣхъ ключей, потоковъ, рѣкъ
Не отсюда ль прыщетъ влага?
Пей во здравье, человѣкъ!
Въ этой грудѣ снѣжныхъ складовъ
Лишь до времени тверда
Тѣхъ клокочущихъ каскадовъ
Серебристая руда;
Но тепло ее затронетъ,
Перетретъ между тѣснинъ,
Умягчитъ, и со стремнинъ
Подтолкнетъ ее, уронитъ
И струистую погонитъ
Въ область дремлющихъ долинъ.

Бенедиктовъ.

Чатырдагъ.

(Мицкевича)

Мурза.

Дрожа, твою стопу цѣлуетъ сынъ пророка,
Какъ мачта корабля, великій Чатырдагъ!
Ушелъ ты по скаламъ въ туманный міръ далекій,
О, минаретъ земли! О, гордый Падишахъ!

Какъ грозный Гавріилъ, стрегущій двери рая,
Сидишь ты одинокъ у вратъ небесъ святыхъ;
Твой плащъ—дремучій лѣсъ; чалма жъ, изъ тучъ свитая,
Струями вышита потоковъ огневыхъ.

Томитъ-ли зной дневной, спадетъ-ли мракъ глубокій,
На жатвѣ-ль саранча, гяуръ идетъ войной,—
Всегда недвижимъ, глухъ ты, Чатырдагъ высокій!

И словно драгоманъ межъ небомъ и землей,
Подъ ноги разостлавъ громъ, землю и народы,
Ты только слушаешь рѣчь Божію къ природѣ.

Н. Луговскій.

Крымскіе очерки

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдага
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ на лицо, всѣ безъ увѣчья,—
Что значитъ ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи, по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!

Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги;
Они потрескались отъ жара;
Да что-жъ не видно самовара?
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай,
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть, какъ пламя, съ ночью споря,

Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай,
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плюща
Концы, висящіе со скалъ.

Графъ А. Толстой.

* * *

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ немало
Мой деревенскій аппетитъ.

Но взглядъ мой здѣсь иного рода;
Во мнѣ лицепріятья нѣтъ:
Ужели вишни не природа,
И тотъ, кто ѣстъ ихъ, не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ, названія вандала
Отъ васъ никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала,
Когда она была въ Крыму!

Графъ А. Толстой.

* * *

Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ;
Среди полуночной прохлады
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горъ очерчены вершины!
Въ серебристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтятъ небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожитъ блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами...

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земного бытія;
Нѣтъ мѣста страху, ни надеждѣ.
Что будетъ впредь, что было прежде—
Мнѣ все равно—и что меня
Всегда, какъ цѣпь, къ землѣ тянуло,
Исчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.
Куда же мысль унесена,
Что ей такъ видится дремливо?
Не средь волшебнаго ли сна
Мы ѣдемъ вмѣстѣ вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мнѣ склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во снѣ,
Какъ звѣзды блещутъ въ вышинѣ,
Какъ конь ступаетъ осторожно,
Какъ дышитъ грудь твоя тревожно?
Иль, при обманчивой лунѣ,
Меня лишь дразнитъ призракъ ложный,
И это сонъ? О, если бъ мнѣ
Проснуться было невозможно!

Графъ А. Толстой.

*
* *

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій,
Глубокимъ мракомъ полонъ онъ,
Какъ будто набѣжали тучи,
Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ
Насъ ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплетъ черезъ нихъ
Мѣстами огненныя иглы.
Зубчатый кленъ, и гладкій букъ,
И твердый грабъ, и дубъ корнистый,
Вторятъ подковъ желѣзный звукъ
Средь гама птичьяго и свиста;
И ходитъ трепетная смѣсь
Полутѣней въ прохладѣ мглистой,
И чуетъ грудь, какъ воздухъ весь
Пропитанъ сыростью душистой.
Вонъ тамъ украдкой слабый лучъ
Скользитъ по липѣ, мхомъ одѣтой,
И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
Журчитъ въ травѣ незримый ключъ...

Графъ А. Толстой.

* * *

Привалъ. Дымяся, огонекъ
Трещитъ подъ таганомъ дорожнымъ;
Пасутся кони, и далекъ
Весь міръ съ его волненьемъ ложнымъ.
Здѣсь долго-бъ я съ тобою могъ
Мечтать о счастіи возможномъ!
Но очи грустно опустивъ,
И наклонясь надъ крутизною,
Ты, молча, смотришь на заливъ,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чемъ твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, какъ морская даль,
Бѣжитъ отъ насъ неуловимо?
Нѣтъ, не догнать его ужъ намъ!
Но въ жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скаламъ
Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
Не для тебя ль, въ ночной тѣни,
Вчера цвѣты благоухали?
Изъ синихъ волнъ не для тебя ли

Восходятъ солнечные дни?
А этотъ вечеръ? О, взгляни,
Какое мирное сіянье!
Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
Недвижно море, корабли,
Какъ точки бѣлыя вдали,
Едва скользятъ, въ пространствѣ тая;
Какая тишина святая
Царитъ кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы предчувствіе чего-то;
Въ ущельяхъ ночь; въ туманѣ тамъ
Дымится сизое болото,
И всѣ обрывы по краямъ
Горятъ вечерней позолотой...

Графъ А. Толстой.

Вершина Чатырдага.

Вотъ вершина... Стойте, кони!
Выше насъ лишь небосклонъ.
Здѣсь весь Крымъ, какъ на ладони,

Видно море съ трехъ сторонъ...
Раскаленный, чуждый тѣни,
Голъ и мертвъ утесъ Эклизъ;
За ступенями ступени
Сѣрыхъ скалъ сбѣгаютъ внизъ.
Тамъ отлогости и кручи,
И ложбины, и бугры
Одѣваетъ лѣсъ дремучій
До подножія горы.
Выше лѣса, передъ нами,
Въ океанѣ свѣтлой мглы,
Вѣютъ плавными кругами
Длиннокрылые орлы.
Впереди, какъ подъ вуалью,
Горъ сосѣднихъ великанъ,
За лазоревою далью
Дремлетъ мощный Бабуганъ.
Въ мглѣ полдневнаго сіянья,
Точно сквозь златистый флеръ,
Мягко тонутъ очертанья
И цвѣта прибрежныхъ горъ.
За Кастелью лоно моря,
Ярко-сине и свѣтло,

Съ небесами будто споря,
Въ даль незримую ушло.
Вправо—гребни и вершины,
И отроги, и холмы,
И зеленыя долины
Качи, Марты и Алмы.
Солнцемъ залитый, блистая
Чуть не снѣжной бѣлизной,
Известнякъ Бахчисарая
Длинной тянется стѣной.
Дальше, крайній планъ картины
Скромно заняли за ней
Сѣрожелтыя равнины
Зноемъ выжженныхъ степей.

Изъ путеводителя по Крыму

Ж. Головкинскаго.

Пещера Суукъ-коба.

Часъ спустя, вся кавалькада—
Предъ пещерой. Темный входъ,

Точно зѣвъ отверстый ада,
Души жертвъ заблудшихъ ждетъ.
Сходятъ робкими шагами
Внизъ, по скользкой крутизнѣ;
Грязь и камни подъ ногами,
Тьма и холодъ въ глубинѣ.
Ни луча дневного свѣта,
Знаковъ жизни ни слѣда...
Какъ въ гробу; лишь слышно, гдѣ-то
Звонко капаетъ вода.
Сырость, мракъ. Грудь дышитъ трудно.
Пламя тусклое свѣчей
Озаряетъ крайне скудно
Группы вычурныхъ камней.
Отовсюду сталактиты,
То отдѣльно, то подъ рядъ,
То въ сплошныя массы слиты,
Будто искрами блестятъ.
Боковые корридоры
По стѣнамъ, то тамъ, то тутъ,
Какъ чудовищъ адскихъ норы,
Въ нѣдра страшныя ведутъ.
Тихи гости подземелья,

Смолкли рѣчи ихъ и смѣхъ;
Вмѣсто шумнаго веселья
Видъ подавленный у всѣхъ.
Душно здѣсь, въ могилѣ тѣсной...
Вверхъ скорѣй! Тамъ воздухъ чистъ,
Тамъ сіяетъ сводъ небесный,
Тамъ шумитъ зеленый лѣсъ...

Изъ путиводителя по Крыму

Н. Головкинскаго.

Чатырдагъ.

Видишь тамъ, среди тумана,
Сквозь ночную тьму,
Чатырдага великана
Бѣлую чалму?

На груди его могучей
Вѣтеръ, духъ небесъ,
Словно бороду, дремучій
Колыхаетъ лѣсъ.

И, склонивъ на землю око,
Съ мрачной высоты,
Сторожитъ онъ одиноко
Горные хребты.

И одинъ орелъ могучій
Взмахами крыла
Черныхъ думъ свѣваетъ тучи
Съ грознаго чела.

В. Шуфъ.

Крымскій пейзажъ.

(КАРТИНА СЪ НАТУРЫ).

Изъ нѣдръ земли свой гордый станъ
Могуче поднялъ Чатырдагъ,
И, какъ волшебный великанъ,
Главу склонивши въ облакахъ,
Онъ задремалъ въ тиши лѣсной
Подъ тихій плескъ волны морской...
Его угрюмое чело
Снѣговъ покрыла сѣдина;

Къ его стопамъ все прилегло:
И моря даль, и ширина
Зеленой скатерти степей,—
И только баловень ручей,
Журча таинственной струей,
Тревожитъ царственный покой...
Вдали, у ногъ его, волна,
Блистая дѣвственной красой,
Шумитъ затѣйливой игрой,
И вотъ, кокетливо она,
Раскинувъ смѣло свой уборъ
Въ водахъ прозрачно-голубыхъ,
То льнетъ къ подножью мрачныхъ горъ
И, смолкнувъ вдругъ въ объятьи ихъ,
Безсильнымъ плескомъ тихихъ водъ
Имъ пѣснь любви своей поетъ,
И страстно внемлютъ пѣснѣ той
Вершины гордыя толпой...
То вдругъ затѣйница волна
Ужъ снова вырвалась отъ нихъ,
И снова рѣзвости полна,
Забывъ поклонниковъ своихъ,
Катится шумно въ даль, въ просторъ.

И вотъ ужъ только видитъ взоръ
Надъ бездной синей глубины
Гребней пѣнящихся узоръ
Да блескъ сверкающей волны.
Туда, въ просторъ безбрежныхъ водъ,
Она всю страсть свою несетъ;
Кипитъ въ ней злобы бурный духъ,
Тревожа взоръ, терзая слухъ;
Сердитой пѣны сѣдина
Ее украсила собой,
И бурныхъ шкваловъ шумъ и вой,
Какъ будто вырвавшись со дна,
Смѣнили пѣснь любви былой...
Такъ озлобленные судьбой,
Покинувъ міръ отрадныхъ грезъ,
Сквозь вопль безсилья злобныхъ слезъ
Проклятья шлютъ судьбѣ чужой
Злорадства жаждущей душой...
И вотъ, задумчиво, одинъ
Стоитъ угрюмый властелинъ;
По скатамъ мрачнаго чела
Тумановъ тѣнь уже легла,
И юной страсти нѣжный пылъ

Подъ зимнимъ холодомъ остылъ,
И кудри юности былой
Смѣнились снѣжной сѣдиной.
Угрюмый, мрачный Чатырдагъ
Стоитъ задумчивъ, молчаливъ,
И вѣтра сѣверный порывъ,—
Его заклятый, вѣчный врагъ,—
Вершину дерзко леденитъ—
И скалы снѣгомъ серебритъ...
И ждетъ онъ будущей весны,
Чтобъ снова слушать пѣснь волны.
И, вотъ ужъ раннею весной,
Сѣдой, угрюмый великанъ
Спѣшитъ роскошною красой
Убрать свой гордый, мощный станъ:
Сѣдой уборъ своей главы
Смѣнилъ онъ зеленью листвы;
Морщины мрачнаго чела
Покрыла легкой пеленой
Вдали синѣющая мгла;
Гирлянды зелени живой
Кудряво вьются тутъ и тамъ,
И далеко, къ его стопамъ,

Долины бархатный коверъ
Раскинулъ свой живой узоръ...
А тамъ,—межъ зеленью густой,—
Аулъ бѣлѣетъ подъ скалой...
Ужъ соловей въ глуши лѣсовъ
Веснѣ привѣтъ свой страстно шлетъ;
И ландышъ скромный тихо ждетъ
Межъ зеленѣющихъ листковъ
Привѣта рѣзвыхъ мотыльковъ...
Красой блистая, полонъ силъ,
Нашъ Чатырдагъ въ себѣ явилъ
Всю прелесть южной красоты:
Глядитъ онъ гордо, съ высоты,
И, страсть глубоко затаивъ,
Онъ ждетъ къ себѣ волны приливъ.
И на зарѣ, когда туманъ
Лежалъ въ долинахъ пеленой,
Вдругъ—словно вздрогнулъ великанъ,—
И яркой, алой полосой,
Дрожа румянецъ пробѣжалъ
Въ вершинахъ синеватыхъ скалъ.
Зардѣлся онъ, и страсти блескъ
Горитъ неудержимо въ немъ

Зари чарующимъ огнемъ,
И слышенъ серебристый плескъ
Волны капризной, и она
Вновь страсти дѣвственной полна.
Все тихо. Воздухъ ароматный
Свое дыханье притаилъ,
И тополь величаво-статный
Своей листвы не серебрилъ;
И кипарисовъ грустныхъ строй,
И скалы грозныя толпой,—
Все стихло въ нѣгѣ полусна;
Лишь серебристая волна
Привѣтъ свой Чатырдагу шлетъ
И пѣснь любви ему поетъ.
И, тихо плескаясь, она
Игры затѣйливой полна:
То страстно къ берегу прильнетъ
И, разсыпаясь серебромъ,
Свой поцѣлуй утесамъ шлетъ;
То вдругъ, съ нахмуреннымъ челомъ,
Сердито, грозно зашумитъ
И прочь отъ берега бѣжитъ,

Бѣжитъ, рокочетъ все одно:
„Въ просторѣ жить мнѣ суждено“?!.

В. Щербина.

Аюдагъ.

(Мицкевича).

Люблю я, опершись на скалы Аюдага,
Смотрѣть, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,—
Какъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, то пылью снѣговой;

И сушу—рать китовъ, воюя, облегаетъ;
Опять стремится въ бѣгъ отъ влажныхъ береговъ,
И дань богатую въ побѣгѣ оставляетъ:
Сребристыхъ раковинъ, коралловъ, жемчуговъ.

Такъ страсти пылкія, подъемляся грозою,
На сердцѣ у тебя кипятъ, младой пѣвецъ;
Но лютню ты берешь,—и вдругъ всему конецъ.

Мятежныя бѣгутъ, смѣняясь тишиною,
И пѣсни дивныя роняютъ за собою:
Изъ нихъ вѣка плетутъ безсмертный твой вѣнецъ.

И. Козловъ.

Аю—Дагъ.

Тамъ, гдѣ извилины дороги
Снуютъ свою вкругъ моря сѣть,
Вотъ страшно выползъ изъ берлоги
Громадной тучности медвѣдь.

Глядитъ налѣво и направо,
И вдаль онъ смотритъ свысока,
И подпираетъ величаво
Хребтомъ косматымъ облака.

Въ своемъ спокойствіи медвѣжьемъ
Улегся плотно исполинъ,
Любуясь и роднымъ прибрежьемъ
И роскошью его картинъ.

Порой--угрюмый онъ и мрачный,
Порой его прелестенъ видъ,
Когда, съ закатомъ дня, прозрачной
Вечерней дымкой онъ обвитъ.

Порой на солнцѣ въ нѣгѣ дремлетъ
И грѣетъ жирные бока;
Онъ и не чуетъ, и не внемлетъ,
Какъ носятся надъ нимъ вѣка.

Вотще кругомъ реветъ и рдѣетъ
Гроза иль смертоносный бой,
Все неподвижно,—не старѣетъ
Онъ допотопной красотой.

Нашъ звѣрь обросъ зеленой шерстью!...
Когда же зной его печетъ,
Спустившись къ свѣжему отверстью,
Онъ голубое море пьетъ.

Сынъ солнца южнаго! На взморьѣ
Тебѣ живется здѣсь легко,
Но то, что въ нашемъ зимогорьѣ,
Тамъ, въ снѣжной ночи, далеко,

Гдѣ мишка, братъ твой, терпитъ холодъ,
Весь день во весь зѣваетъ ротъ,
И, чтобъ развлечь тоску и голодъ,
Онъ лапу медленно сосетъ.

И я, сынъ сѣверныхъ мятелей,
Сынъ непогодъ и бурныхъ вьюгъ,
Пришлецъ, не вѣдавшій доселѣ,
Какъ чуденъ твой роскошный югъ,

Любуясь, гдѣ мы ни проѣдемъ,
Тѣмъ, что даритъ намъ каждый шагъ,
Я самъ бы радъ зажить медвѣдемъ,
Какъ ты, счастливецъ Аю-Дагъ!

Князь Вяземскій.

Горы ночью.

Морского берега стѣна сторожевая,
Дающая отбой бунтующимъ волнамъ,
Въ лазурной глубинѣ подошву омывая,
Ты гордую главу возносишь къ облакамъ.

Рукой невѣдомой изсѣченныя горы,
Съ ихъ своенравною и выпуклой рѣзьбой!
Нельзя отъ нихъ отвлечь вперившіеся взоры,
И мысль запугана ихъ дикой красотой.

Здѣсь въ грозной прелести могуществомъ и славой
Природа царствуетъ съ первоначальныхъ дней;
Здѣсь стелется она твердыней величавой,
И кто помѣриться осмѣлился бы съ ней?

Ужъ внятно, кажется, природа человѣку
Сказала: здѣсь твоимъ наѣздамъ мѣста нѣтъ,
Здѣсь бурямъ да орламъ, однимъ испоконъ-вѣку,
Раздолье и просторъ, а ты будь домосѣдъ!

Но смертный на землѣ есть гость неугомонный,
Природы-матери онъ непослушный сынъ;
Онъ съ нею берется, и волей непреклонной
Онъ хочетъ матери быть полный властелинъ.

Крамольный сынъ, ее онъ вызываетъ къ бою;
Смѣльчакъ, пробилъ ея онъ каменную грудь,
Утесамъ онъ сказалъ: раздвиньтесь предо мною
И прихотямъ моимъ свободный дайте путь!

И съ русской удалью, татарски-беззаботно,
По страшнымъ крутизнамъ во всю несемся прыть,
И смѣлый лозунгъ нашъ въ сей скачкѣ поворотной:
To be or not to be—иль быть, или не быть.

Здѣсь пропасть, тамъ обрывъ: все трынь-трава, все сказки!
Валяй, ямщикъ, пока не разрѣшенъ вопросъ:
Иль въ море выскочимъ изъ скачущей коляски,
Иль лбомъ на всемъ скаку ударимся въ утесъ!

Князь Вяземскій.

Алушта днемъ.
[Мицкевича].

Предъ солнцемъ—гребень горъ снимаетъ свой покровъ,
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ;

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ—цвѣтовъ летучихъ рой.—

Что пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше—саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ же часъ.
Но море синее спокойно—чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди, и корабли бѣлѣютъ.

А. Н. Майковъ.

Алушта ночью.

[Мицкевича].

Свѣжѣютъ вѣтерки и стынетъ жаръ дневной,
Всемірный свѣточъ палъ на плечи Чатырдага
И гаснетъ, пролившись багряной рѣкой.
Блуждающій пильгримъ умѣрилъ скорость шага.

Долины и хребты одѣлъ ночной покровъ;
На ложѣ ихъ цвѣтовъ журчатъ сквозь сонъ потоки;
Въ эфирѣ-жъ ароматъ—мелодія цвѣтовъ—
Льетъ въ сердце тихіе, таинственные вздохи.

Я сладко усыпленъ безмолвіемъ ночнымъ;
Вдругъ будитъ метеоръ меня въ мгновенье ока:
Гляжу,—онъ облилъ міръ потопомъ золотымъ...

О ночь восточная! Какъ гурія востока,
Ты нѣгой сонъ даришь;—когда жъ уснуть готовъ,
То искрою очей ты къ нѣгѣ будишь вновь.

Н. Луговскій.

Переѣздъ черезъ Яйлу.

(Памяти А. С. Пушкина, по полученіи извѣстія о его смерти).

(У подошвы горнаго хребта Яйлы, до половины закрытаго облаками, утреннее солнце освѣщаетъ Кокозскую долину и деревню. Два путника на татарскихъ коняхъ подымаются въ горы).

Путешественникъ.

Упрямое животное твой конь,
Не сладишь съ нимъ ни ласкою, ни плетью,
Терпѣнья нѣтъ!...

Проводникъ (старый татаринъ).

Напрасно! Не во гнѣвъ,

Конь хоть куда; а самъ ты виноватъ,
Что пятится.... Умѣй за дѣло взяться,
И дѣло вдругъ пойдетъ само собой,
Пословица не даромъ-же ведется!
Вотъ видишь, ты поводья затянулъ,
А горецъ мой привыкъ идти по волѣ,
Вѣдь и коню мила его свобода,
Такъ за нее онъ ссорится съ тобой,
Попробуй—брось поводья,—будетъ миръ!...
Что, правда ль?

Путешественникъ.

Да, теперь я имъ доволенъ;

Поѣдемъ рядомъ....

Проводникъ.

Онъ доволенъ тоже,

Онъ весело, онъ бодро встрепенулся,
Онъ дружески косится на тебя....
И у тебя лицо повеселѣло:
За радость радость воздаетъ Алла,

Который всѣ свои созданья любитъ!
Теперь сиди спокойно; добрый конь,
Я голову отдамъ, не спотыкнется,
На ногу вѣренъ, чутокъ на опасность,
Для сѣдока надежный онъ слуга.
Случалось мнѣ, въ глухую ночь не разъ,
Въ Бахчисарай проѣздомъ изъ Юрзуфа,
Спускались мы по этой же тропинкѣ,—
Я сплю себѣ, качаюся, какъ въ люлькѣ,
А онъ идетъ усердно подо мной,
На скалы съ скалъ ступаетъ осторожно
И бережетъ и жизнь мою, и сонъ....

Путешественникъ.

Но этотъ путь одинъ изъ самыхъ трудныхъ,
И, говорятъ, опасенъ. Какъ же ты
Случайностямъ ввѣряешься такъ смѣло?

Проводникъ.

Алла ведетъ надъ бездною слѣпца,
А зрячаго грѣхи ввергаютъ въ бездну!
Сочтетъ пески, сочтетъ на небѣ звѣзды,
Своей звѣзды мудрецъ не разочтетъ.

Бѣжитъ, рокочетъ все одно:
„Въ просторѣ жить мнѣ суждено“?!.

В. Щербина.

Аюдагъ.

(Мицкевича).

Люблю я, опершись на скалы Аюдага,
Смотрѣть, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,—
Какъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, то пылью снѣговой;

И сушу—рать китовъ, воюя, облегаетъ;
Опять стремится въ бѣгъ отъ влажныхъ береговъ,
И дань богатую въ побѣгѣ оставляетъ:
Сребристыхъ раковинъ, коралловъ, жемчуговъ.

Такъ страсти пылкія, подъемляся грозою,
На сердцѣ у тебя кипятъ, младой пѣвецъ;
Но лютню ты берешь,—и вдругъ всему конецъ.

Мятежныя бѣгутъ, смѣняясь тишиною,
И пѣсни дивныя роняютъ за собою:
Изъ нихъ вѣка плетутъ безсмертный твой вѣнецъ

И. Козловъ.

Аю—Дагъ.

Тамъ, гдѣ извилины дороги
Снуютъ свою вкругъ моря сѣть,
Вотъ страшно выползъ изъ берлоги
Громадной тучности медвѣдь.

Глядитъ налѣво и направо,
И вдаль онъ смотритъ свысока,
И подпираетъ величаво
Хребтомъ косматымъ облака.

Въ своемъ спокойствіи медвѣжьемъ
Улегся плотно исполинъ,
Любуясь и роднымъ прибрежьемъ
И роскошью его картинъ.

А на листахъ, очамъ твоимъ въ отраду,
Роса горитъ алмазными звѣздами,
Какихъ въ вѣнцѣ у Падишаха нѣтъ!...

Путешественникъ.

Но что за шумъ я слышу въ высотѣ?
Не горный ли несется водопадъ
На встрѣчу намъ? Не сбились ли съ дороги?

Проводникъ.

Здѣсь мудрено съ дороги сбиться, путникъ!
Съ трудомъ одну тропинку проложили,
И то, смотри, направо пни да камни
И пропасти бездонныя налѣво.
Онѣ влекутъ неодолимой силой,
Все хочется во глубь ихъ заглянуть,
А голова какъ въ омутѣ кружится—
Скатился бъ вдругъ, когда бъ не эти сосны,
Что, широко разросшись по краямъ,
Спасаютъ насъ, какъ добрые совѣты,
Надъ бездной зла, неопытную младость....

Путешественникъ.

А этотъ гулъ?....

Проводникъ.

Вонъ видишь, повился

Чалмою тучъ надъ нами темный боръ,
Тамъ хлынули потоки дождевые,
И говоръ свой намъ выслали гонцомъ,
Чтобъ тѣсную имъ уступить дорогу.
Но мы пойдемъ навстрѣчу поневолѣ:
Теперь назадъ, хоть бы хотѣлъ, нельзя.
Нѣтъ, нелегко пробиться черезъ горы,
Какъ перейти отъ колыбели къ гробу,
Здѣсь точно такъ, какъ въ нашей жизни, часто
Свѣтло и мрачно, хорошо и худо....

Путешественникъ.

Ага! вдали уже бѣлѣетъ пѣна
И прыгаетъ гремучимъ серебромъ
На камень съ камня....

Проводникъ.

Это ничего....

Но въ грудь тебѣ холодный вѣтеръ дунулъ,
А онъ съ тепла не всякому въ привычку,
Побереги жъ здоровье молодое,

Такимъ добромъ грѣшно пренебрегать.
Постой, возьми, вотъ бурка, вскрось на плечи...

Путешественникъ.

Спасибо, другъ!.... А самъ ты?

Проводникъ.

Мнѣ не надо!
Вотъ посмотри на этого орла,
Летитъ себѣ, промокнетъ, отряхнется,—
А мы живемъ сосѣдями съ орлами...

Путешественникъ.

Вотъ прыснулъ дождь. Не будетъ ли грозы?
Хоть холоденъ, а душенъ что-то вѣтеръ...

Проводникъ.

Желалъ-бы я, чтобъ ты грозу увидѣлъ
Лицомъ къ лицу.... Какимъ-то гордымъ чувствомъ
Забьется грудь.... Ты самъ въ себѣ почуешь
Присутствіе величія Творца,
Какой-то блескъ нечеловѣчьей мысли...
Но, кажется, грозѣ не быть; намъ только
Съ дождемъ скорѣй не худо бъ разминуться;

А тѣсно въ рядъ идти конямъ, не лучшель
Отъѣхать мнѣ?...

Путешественникъ.

Ступай, я не отстану.

(Они молча подымаются въ горы и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга проѣзжаютъ самую вершину Яйлы; дождь перестаетъ; солнечные лучи пробиваются на горныя поляны и освѣщаютъ пасущіяся стада. Внезапно проводникъ теряется изъ виду].

Путешественникъ.

Исчезъ, какъ духъ! Разсѣялся, какъ дымъ!
Завелъ меня на край земли и бросилъ!
Надъ головой и подъ ногами, всюду
Воздушное, безцвѣтное пространство....
Эй, проводникъ!

Проводникъ (возвращаясь).

Я здѣсь...

Путешественникъ.

Скажи мнѣ, гдѣ-ты?

Проводникъ.

На спускѣ горъ; Но облако прильнуло
На самый край туманною завѣсой,
И въ уровень съ вершиною повисло.

Путешественникъ.

Что-жъ тамъ внизу? Какой то пламень вспыхнулъ?
Сперва блеснулъ звѣздою голубой,
И вотъ горитъ лазурнымъ, яркимъ солнцемъ!

Проводникъ.

Сквозь облако сверкнуло море....

Путешественникъ.

А!...

(Сходятъ съ коней, молчаніе).

Проводникъ.

Вотъ облако снялось и полетѣло,
Богатый видъ открылся, полюбуйся,
А я пока на солнышкѣ погрѣюсь....
Ну что же ты не молвишь ни словечка?
Иль видывалъ ты краше этихъ виды?...

Путешественникъ.

Нѣтъ, никогда.

Проводникъ.

И равнодушно смотришь!
И грудь твоя восторгомъ не взыграетъ!
А между тѣмъ передъ тобою море
Кипящіе бросаетъ поцѣлуи
На грудь земли, и дышитъ грудь земли
Къ нему взаимной, нѣжной, жаркой страстью,
И внутреннимъ волненіемъ своимъ
Садовъ и нивъ и виноградныхъ лозъ
Зеленое колеблетъ покрывало....
Но если ты изсохнулъ рано сердцомъ,
И сладкій даръ сочувствія утратилъ,
Ты здѣсь найдешь для мысли новой пищу:
Разсѣялъ Богъ во всей природѣ мудрость,
Чтобы вести бесѣду съ человѣкомъ!
Куда ни глянь, вездѣ благой урокъ,
И примѣнить его нетрудно къ жизни;
Вонъ—тамъ стоитъ полуистлѣвшій пень,
А на вѣтвяхъ такъ пышно вьется зелень,—
То плющъ густой и дикій виноградъ;
Былъ этотъ пень когда—то крѣпокъ жизнью,
Къ себѣ на грудь онъ ихъ, сиротокъ, принялъ,

И вотъ они, признательнью нынѣ,
Даютъ его сѣдинѣ вѣковой
Отъ зноя тѣнь, онъ холода защиту....
Но ты меня не слушаешь, ты грустно
Задумался о чемъ-то....

Путешественникъ.

Да, старикъ,
Я сравнивалъ себя съ тобою. Свѣжимъ,
Восторженнымъ еще кипишь ты чувствомъ
И говоришь, какъ думаешь, по чувству.

Проводникъ.

Зачѣмъ съ своимъ таиться сердцемъ?
Зачѣмъ не дать свободою дохнуть
Роскошному, душистому цвѣтку,
Что самъ Господь въ груди твоей посѣялъ?
Я не пойму въ невѣжествѣ моемъ....

Путешественникъ.

О, не вини безъ оправданья; сердце
Во мнѣ еще не вовсе очерствѣло,—
Но лишь молчать оно привыкло,—ты
Заговорилъ съ нимъ языкомъ роднымъ

И говорить его заставилъ. Слушай:
Мы въ жизнь вошли различною дорогой—
Ты—въ этотъ міръ, свободный, безграничный,
Я—въ тѣсный міръ, придуманный людьми;
Ты съ каждымъ днемъ на волѣ крѣпнулъ духомъ,
Я каждый день ослабѣвалъ въ неволѣ....
Но у меня, какъ и твое, сначала
Любовью громкой говорило сердце
И, полное восторгомъ безъимяннымъ,
Лилось оно, какъ чаша, черезъ край,
И я хотѣлъ кипящей этой чашей
Съ людьми, въ пиру у жизни, подѣлиться—
Но опьянѣвъ холоднымъ, тяжкимъ хмѣлемъ
Суетъ, страстей, расчетовъ, предразсудковъ.
Немногіе замѣтили мой даръ,
Его тепломъ двѣ—три забилась груди,
А прочіе съ язвительной улыбкой
Сосудъ къ устамъ нечистымъ поднесли....
Да! Опоздалъ меня наставить опытъ,
Полупуста моя осталась чаша,
Я расточилъ безумно влагу жизни,
За то ношу остатокъ драгоцѣнный
Въ моей груди невидимо, глубоко,

И съ рѣдкою, съ испытанной душой,
Дѣлюся имъ, по каплѣ, осторожно....

Проводникъ.

Зачѣмъ же здѣсь, передъ лицемъ природы,
Безмолвенъ ты и недовѣрчивъ сердцемъ?
Хоть опрокинь его до дна—не бойся,
Нальется вновь полнѣй, чѣмъ было прежде!

Путешественникъ.

Я ужъ сказалъ: нечистыя уста
Коснулися завѣтнаго сосуда
И ядомъ злой насмѣшки отравили.
Признаюсь ли? Я самъ себѣ лукавлю,
Чтобъ подавить смѣшное людямъ чувство,
Ребячествомъ я назвалъ думу сердца!
Восторгомъ я боюсь увлечься вновь,
Чтобъ надъ собой не посмѣяться послѣ,
Холоднымъ, горькимъ, одинокимъ смѣхомъ....

Проводникъ.

Что слышу я? О горе, горе сердцу,
Когда оно надъ собственной святыней
Бездушною насмѣшкою смѣется!

Ужель у васъ такъ низко люди пали!
Не вѣрю я, нѣтъ, не могу я вѣрить....
Немного мнѣ твоихъ единокровныхъ
Случилось знать въ судьбѣ моей убогой,
Но одного еще я живо помню:
Онъ жилъ тогда въ Юрзуфѣ и меня
Онъ жаловалъ, и бралъ проводникомъ;
Бывало съ нимъ въ такую глушь заѣдемъ,
Что мудрено и птицѣ залетѣть;
Зато тебѣ и не приснятся виды,
Какіе намъ встрѣчалися порой....
И какъ тогда онъ былъ доволенъ, веселъ,
Онъ тѣшился, отъ сердца, какъ дитя,
То, погруженъ глубоко, долго въ думу,
Терялся весь въ забвеньи, въ созерцаньи,
То звалъ меня и заводилъ со мной
Душевную и умную бесѣду....

Путешественникъ.

А какъ давно все это было?

Проводникъ.

Не солгать-бы,

Лѣтъ около пятнадцати, не больше,
Мой первый внукъ женился въ этотъ годъ....

Путешественникъ.

И молодъ былъ твой спутникъ?

Проводникъ.

Какъ сказать,
Какъ ты—или моложе. Трудно
Опредѣлить его лѣта мнѣ было,
Съ улыбкою не соглашалось свѣжей
Чело его, наморщенное мыслью.

Путешественникъ.

Такъ это онъ! Я узнаю поэта!
Вездѣ любовь онъ по себѣ оставилъ....

Проводникъ.

Онъ другъ тебѣ или родной? Съ участьемъ
Особеннымъ ты говоришь онемъ!

Путешественникъ.

Онъ мнѣ родной—онъ Русскій, какъ и я!
А другомъ онъ былъ каждому, чья грудь
Сочувствовать душѣ его умѣла...

Когда бъ ты зналъ, какого человѣка
Ты дружбою гордиться можешь...

Проводникъ.

Кто жъ онъ?

Путешественникъ.

Отечества онъ слава и любовь!
Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ!
Въ его груди былъ пѣсенъ мощный ключъ;
Онъ, чувствомъ простъ и мыслію могучъ,
Все, что влечетъ, что радуетъ въ природѣ,
Въ своей душѣ глубоко заключилъ
И звукомъ мысль волшебнымъ облачилъ!...

Проводникъ.

Такъ вотъ зачѣмъ, бывало, по часамъ,
Онъ одинокъ стоитъ подъ Аю-Дагомъ!
И я не смѣлъ приблизиться къ нему:
Сдавалось мнѣ—лицо его горѣло,
А въ зеркалѣ очей недвижныхъ, яркихъ
И отблескъ волнъ и блескъ небесныхъ звѣздъ
Сіяніемъ сливались мимолетнымъ.

Порой изъ устъ какой-то стройный говоръ
Ласкалъ мой слухъ—и долго слушалъ я!
Глубоко въ грудь мнѣ падали тѣ звуки,
Хотя понять ихъ смысла я не могъ....

Путешественникъ.

И ты любилъ не даромъ звуки эти:
Твой Крымъ онъ пѣлъ, быть можетъ, въ эту пору....

Проводникъ.

Такъ родину почтилъ мою пѣвецъ!
О какъ бы я хотѣлъ его услышать!
О какъ бы я хотѣлъ его увидѣть!
Онъ не былъ гордъ, онъ ласковой улыбкой
По старинѣ бъ меня, навѣрно, встрѣтилъ.
Но гдѣ же онъ? Ужели не захочетъ
Когда-нибудь взглянуть на этотъ край?
Вѣдь онъ любилъ и скалы здѣсь и море....

Путешественникъ.

Жаль мнѣ тебя, мой старецъ, опечалить,
Но общая печаль еще свѣжа,
И ею грудь невольно говоритъ:

Угаснуло блестящее свѣтило,
Порвалася могучая струна,—
Недавнею на сѣверѣ могилой....

Проводникъ.

Не продолжай! Мнѣ сердце досказало!
И вотъ кого оплакивать досталось!
Нѣтъ, чѣмъ-нибудь вы Бога прогнѣвили;
Быть можетъ дни избранника Его
Вы завистью, вы злостью отравили,
И отнялъ Богъ любимца Своего!..

Путешественникъ.

О замолчи! Довольно, ради неба...

Проводникъ.

Что это? Слезы, слезы на глазахъ,
А ты спѣшишь отворотить лицо?
Не этихъ слезъ стыдиться человѣку!
Прости меня: суровой, тайной мыслью
Я, можетъ быть, твою обидѣлъ душу,—
О нѣтъ, она любить еще способна;
Мнѣ за нее порукой эти слезы,
И я съ тобой мирюся отъ души!

Путешественникъ.

Пора, старикъ, поѣдемъ, скоро полдень....
(Бросается на коня и скачетъ впередъ).

А.. Подолинскій.

Ай-Петри.

Средь горныхъ утесовъ гигантъ одинокій,
Паришь ты въ эѳирѣ могучей главой,
Ужасныя бездны кишатъ подъ тобой,—
И лѣсъ, что въ долинѣ разросся глубокой,
Кустарникомъ мнится и никнетъ листвой,
Смиренно взирая на тронъ твой высокій.

* * *

И гордыя скалы, на южномъ просторѣ
Тѣснясь къ поднебесью волшебнымъ кольцомъ,
Чело твое кроютъ зубчатымъ вѣнцомъ
И смотрятъ съ холоднымъ величьемъ во взорѣ
На гордые скаты, поросшіе мхомъ,
На гладь необъятнаго синяго моря!

* * *

Часъ вечера близокъ... Все небо объято
Прозрачной и розовой дымкой тѣней,
И въ пурпурномъ свѣтѣ прощальныхъ лучей
Таинственный отблескъ дневного заката
Сверкаетъ на гордой вершинѣ твоей
Багрянцемъ горячаго южнаго злата.

* * *

Когда-жъ въ полуночной тиши засыпаютъ
Долины и горы подъ звѣздной фатой,
Когда изъ-за моря неслышной стопой
Красавица ночи, луна выступаетъ,—
Ай-Петри, какъ призракъ природы ночной,
Короной зубчатой во мракѣ сіяетъ.

А. Жодирева.

Ай-Петри.

На высотахъ угрюмыхъ я стоялъ...
Туманы плыли подъ ногами,

И грозные обрывы бѣлыхъ скалъ,
И берега скрывались облаками...

А дальше, тамъ, за гранью береговъ,
На безграничномъ дышащемъ просторѣ
Въ бездонныя пучины облаковъ
Сквозили голубыя пятна моря...

И море тамъ, и море—надо мной...
И небо подъ ногами простиралось...
И туча, плывшая внизу, порой
Струями молній слабо озарялась.

Надъ бездною, оторванъ отъ земли,
Висѣлъ я, позабывъ ея печали...
Казалось, крылья у меня росли,
Казалось, крылья гордо трепетали.

Я небо могъ свободно облетать,
Низринуться въ пространство вольной птицей,
Могучей грудью воздухъ разсѣкать
И гнаться вслѣдъ за быстрою зарницей...

Я ринуться хотѣлъ, я шагъ ступилъ...
Разсѣлись облака--и предо мною

Случайный вѣтеръ скалы обнажилъ
Блеснувшія губительной грядою...

И вспомнилъ я, что намъ простора нѣтъ,
И вспомнилъ я, что нашъ удѣлъ—безсилье,
Что не для насъ стремительныя крылья
Что не для насъ небесныхъ молній свѣтъ...

Князь А. Кугушевъ.

Гора Кикинеизъ.

[Мицкевича].

МУРЗА.

Взгляни въ провалъ,—лежитъ тамъ небо на долинѣ,—
То море; но средь волнъ не птица-ли гора,
Перуномъ сбитая, два мощныя крыла
Вокругъ раскинула полрадугою нынѣ,

И островомъ снѣговъ лазурь воды покрыла?
То туча—островомъ въ той безднѣ поплыла;
На міръ съ ея груди спадаютъ ночь и мгла;
Вотъ лента изъ огня чело ея обвила,—

Но небо надъ моремъ прозрачно и ясно,
Грозятъ облака ему бурей напрасно:
Полдневнаго солнца живительный лучъ,
Разсѣявъ ряды непріязненныхъ тучъ,
Опять по холмамъ и ущельямъ играетъ
И горные кедры и сосны ласкаетъ.
Вдали отъ докучныхъ волненій и бѣдъ,
На лонѣ природы душой отдыхаю...
Мой другъ! я тебѣ мой горячій привѣтъ
Отсюда на крыльяхъ орла посылаю.

А. Луговой.

Байдарская долина.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ.

(Мицкевича).

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться—любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь образовъ—долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ—и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня—
И я, какъ въ безднѣ челнъ, крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

А. Майковъ.

Байдарская долина.

Вся долина въ зеленыхъ садахъ,
Вся долина полна ароматомъ,
По горамъ, на цвѣтущихъ холмахъ,
Кипарисы толпятся по скатамъ.

Тонутъ горныя кручи кругомъ
Въ голубомъ, чуть замѣтномъ туманѣ;

Дышитъ утро весеннимъ теплом,
Легки тучекъ прозрачныя ткани...

Но манятъ очарованный взоръ
Еще больше крутыя стремнины,
Гдѣ долина сокрылась межъ горъ
И нависли утесовъ вершины.

Тамъ прибой свои пѣсни поетъ,
Вольный вѣтеръ свѣжѣй на просторѣ,
Тамъ свободное, гордое море
Ходитъ медленно взадъ и впередъ.

И. Бунинъ.

Отъ Алупки до Байдаръ.

[Путевыя впечатлѣнія].

Мнѣ не забыть васъ, чудныя картины!
Громады желтыхъ, сѣрыхъ скалъ
Надъ головой моей толпятся и висятъ,
Дорожку узкую съ боковъ тѣснятъ;
А сверху внизъ ползутъ глубокія стремнины
До берега, гдѣ бьетъ о камни бурный валъ,

Съ усильемъ тщетнымъ, безконечнымъ,
И какъ бы съ ропотомъ сердечнымъ.

Морская гладь блеститъ небесными цвѣтами,
Прозраченъ воздухъ, какъ хрусталь,
И величавая простая красота
Повсюду щедрою рукою разлита.
Всѣмъ чувствомъ погружаясь вдаль,
Забудешься, не различишь глазами,
Гдѣ край небесъ, гдѣ край морской
Съ ихъ необъятной глубиной.

Просторный, безграничный кругъ!
Изъ тѣла вонъ душа стремится,
Въ эѳиръ небесный хочетъ погрузиться,
Купаться въ немъ, летать... И вдругъ—
Еще чудеснѣе явленье: мощная скала
Главу подъ сводъ небесный вознесла,
А на скалѣ—символъ спасенья,
Храмъ златоглавый Воскресенья.

Какъ будто бы созвѣздье въ вышинѣ,
Или какъ свѣтлая лампада,
Средь сѣрыхъ горъ громады

Зажженная молитвенной рукой,
Онъ красотой сіяетъ неземной,
На радость путнику, на радость всей странѣ,—
Краса изящная въ горахъ,
Стопою на скалѣ, главою въ небесахъ!...

М. Б.

Изъ Крымскихъ картинокъ

На Байдарскія высоты
Тянетъ тройка фаэтонъ;
Отягченные дремотой,
Въ немъ сидятъ она и онъ.

Онъ—въ панамской свѣтлой шляпѣ,
Тощъ и тонокъ, остроносъ;
А она—сажень въ обхватѣ,
На груди хоть ставь подносъ.

Тройка шагъ за шагомъ тихо
Поднялась на перевалъ.
Съ козелъ слѣзъ ямщикъ.—Гляди-ка,
Какъ устали! онъ сказалъ.

Дернулъ онъ за челки коней.
—Это лучше имъ овса,—
Отдохнутъ, а тамъ погонимъ:
Подъ гору пойдетъ „шосса“.

Онъ съ хозяйскою заботой
Оглянулъ колесъ овалъ,
Сѣлъ на камень и съ дремотой
Носогрѣйку засосалъ.

Море искрилось, блестѣло,
Утра лучъ игралъ на немъ,
То рубинами горѣлъ онъ,
То алмазомъ, то огнемъ.

Поднялись изъ фаэтона—
И она, и онъ за ней.
Онъ сказалъ ей монотонно:
—Ну, иди, смотри—скорѣй.

Вотъ и море.—Гдѣ? Вотъ это?
Ахъ! воскликнула она;
Въ чемъ же тутъ краса? Поэты
Врутъ все, бредятъ, какъ со сна.

Нахвалили, накричали:

Море! Море! Ну, что въ немъ?
Ну—вода! Зачѣмъ помчались?
Голова идетъ кругомъ.

—Да, признаться, что-то плохо!
Онъ промолвилъ и потомъ
Отошелъ къ скалѣ со вздохомъ.
—Глушь какая здѣсь кругомъ!

А вотъ здѣсь, смотри-ка, сколько
Разныхъ надписей! Вотъ! Вотъ!
Все фамиліи—и только!
Чтобъ побольше! Ну, народъ!

—Тутъ записываютъ, значитъ,
Вдругъ замѣтила она,—
Запиши и ты. Тѣмъ паче
И меня: молъ, и жена.

Записали, постояли,
Посмотрѣли на скалу.
—Внятно вышло, онъ добавилъ,—
Ну-ка трогай ты, оглу!

Ѣхать, что-ли?—Да, поѣдемъ.
Что-жъ! Ужель здѣсь зимовать?

Если надлись гдѣ замѣтимъ,
Тамъ распишемся опять.

Д. Ставьевъ.

На высотѣ.

Я бросилъ повода, я волю далъ коню,
Я настежь распахнулъ души своей темницу
Навстрѣчу теплому, безоблачному дню,
Холмамъ, въ осеннюю одѣтымъ багряницу.
Какая даль кругомъ! ... Объята тишиной
Желтѣющая степь, распаханныя нивы,
Салгира синяго веселые извивы
И скалы, ставшія угрюмою стѣной.
А тамъ, за ихъ стѣной, я чую близость моря:
Оттуда съ ласковымъ дыханьемъ вѣтерка
Сребристыя плывутъ къ утесамъ облака—
Небесныя мечты среди земного горя...
Нѣтъ, этотъ свѣтлый день безслѣдно не пройдетъ!
Когда я возвращусь на сѣверъ нашъ тоскливый
И вновь почувствую зловѣщихъ мыслей гнетъ,

Я вспомню эту степь, холмы, лѣса и нивы...
Тогда на эту высь я вновь мечтать приду.
Приду, но не одинъ, а силой вдохновенья
Я и тебя, мой другъ, съ собою приведу,
Какъ я, тоскующій и жаждующій забвенья.
Подъ музыку стиховъ замретъ въ душѣ тоска,
Предъ тайной красоты смирится умъ усталый.
Холмы обступятъ насъ ... Змѣей сверкнетъ рѣка,
И тучки поплывутъ лобзать сѣдыя скалы.

Н. Минскій.

Сонетъ.

Въ тѣни садовъ и стѣнъ Ески-сарая,
При блескѣ лампъ и шумѣ водъ живыхъ,
Сидѣлъ султанъ, роскошно отдыхая
Среди толпы красавицъ молодыхъ.

Онъ въ думахъ былъ. Главою помавая,
Шумѣлъ чинаръ; и вѣтеръ, свѣжъ и тихъ,
Межъ алыхъ розъ вздыхалъ благоухая;
И рогъ луны былъ въ сонмѣ звѣздъ ночныхъ.

„Чтобъ кисть писца на камняхъ начертала,
Что все пройдетъ!“ воскликнулъ пади-шахъ...
Я зрѣлъ Сарай и надпись на стѣнахъ,

И вся душа невольно тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась въ прежнихъ дняхъ.

А. Хомяковъ.

Завѣщаніе изъ Евпаторійскихъ равнинъ.

(Содержаніе одной казацкой пѣсни).

Вѣтеръ по полю шумитъ,
Весь въ крови казакъ лежитъ—
На курганѣ головой,
Подъ зеленой осокой.
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ.
Ахъ, орелъ, орелъ степной,
Побратаемся со мной!...
Ты начнешь меня терзать

И глаза мои клевать.
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей!
Чуть она начнетъ пытать,
Знай, о чемъ ей отвѣчать.
Ты скажи, что ханъ-султанъ
Взялъ меня служить въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ,
Что могилой наградилъ....
Что съ сынкомъ ужъ ей не жить,
Что волосъ ему не мыть!
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжжетъ, вывѣтритъ морозъ,
А расчешетъ ихъ бурьянъ,
А раскудритъ ураганъ....
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой,—
Да посѣй, да поливай,
Да сыночка поджидай....
И когда песокъ взойдетъ,
Твой казакъ къ тебѣ придетъ!

Г. Данилевскій.

* * *

Вотъ лежу я на Сакской площадкѣ,
Подо мной благодѣтельный илъ,
И меня онъ, какъ пологъ свинцовый,
Всю окуталъ и плотно закрылъ.

Подъ лучомъ раскаленнаго солнца
Вода озера быстро цвѣтетъ
И, покрытая розовой дымкой,
Солью бѣлой на берегъ плыветъ.

То монадъ темнокрасныя тучи
Надъ поверхностью влажной кишатъ
И, послѣдніе дни доживая,
Ропу озера быстро густятъ.

Но лежу я улиткой, недвижно,
Члены скованы, нечѣмъ дышать....
Надо мной разстилается небо,
Тучки въ немъ ни одной не видать.

Вдругъ по ясной небесной лазури
Ангелъ свѣта стрѣлою летитъ....
Какъ въ святой Силоамской купели,
Онъ крыломъ своимъ воду мутитъ.

И течетъ она свѣтлой струею
На недужныхъ, убогихъ, хромыхъ,
И своей чудодѣйственной силой
Исцѣляетъ страданія ихъ.

И горитъ мое сердце любовью;
Взоръ усталый туманитъ слеза,
И хвалу Всемогущему Богу,
Съ тайнымъ трепетомъ, шепчутъ уста....

Кн. Е. Горчакова.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БАХЧИСАРАЙ.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ быль....

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочолъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ....

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема—
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустинной мглѣ нарисовалъ

Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

А. Пушкинъ.

Бахчисарайскій фонтанъ.

[Отрывки].

Многіе, такъ-же какъ и я, посѣщали сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече.

Сади.

. . . . . .

. . . Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ

Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной,
И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ

Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ.
Спасенный чудомъ уголокъ.

. . . . . .

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежный,

Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежный
Тревожитъ въ немъ и сплящій духъ.
Измѣнъ всечасный ожиданье
Покоя не даетъ уму.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

. . . . . .

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила,
Она давно желанный свѣтъ
Какъ новый ангелъ озарила.

Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,—
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

. . . . . .

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны

И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкаго вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Но умолкая никогда;
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,

Пиры надолю забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..

. . . . . .

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарама?

. . . . . .

Пушкинъ.

Бахчисарай.

[Мицкевича].

Дворецъ Гиреевъ пустъ, но дремлетъ въ гордомъ снѣ.
Тамъ, гдѣ съ пороговъ пыль паши сметали лбами,
По тронамъ и софамъ, межъ страсти тайниками,
Гадъ вьется, саранча роится въ тишинѣ.

Цвѣтныя стекла скрылъ плющъ, вьющійся въ окнѣ,
По сводамъ вверхъ взбѣжалъ онъ гибкими вѣтвями...
Какъ въ Валтасара дни своими письменами
„Руина“ пишетъ здѣсь природа на стѣнѣ.

Средь залъ изъ мрамора сосудъ, онъ цѣлъ донынѣ:
Гарема то фонтанъ, онъ до сихъ поръ живетъ,
Струей жемчужныхъ слезъ взывающій въ пустынѣ:

Гдѣ скрыты вы, любви и хищность, и почетъ?
Вамъ вѣкъ бы жить и жить, источникъ быстръ въ долинѣ...
О горе! Вы прошли, а ключъ еще течетъ.

Л. Медвѣдевъ.

Бахчисарай ночью.

(Мицкевича).

Выходятъ изъ джами толпой благочестивой,
Изана голосъ смолкъ въ вечерней тишинѣ;
Вотъ вспыхнула заря стыдливо въ вышинѣ,
Сребристый царь ночей спѣшитъ на отдыхъ къ милой.

Огни предвѣчныхъ звѣздъ горятъ въ гаремѣ неба;
Плыветъ тамъ облако въ сафировыхъ странахъ,—
Какъ лебедь въ полуснѣ на дремлющихъ водахъ,—
Края какъ золото, а грудь бѣлѣе снѣга.

Здѣсь пала тѣнь съ вершинъ мечети, кипариса,
А даль окаймлена гранитныхъ глыбъ толпой,
Какъ скопищемъ чертей въ диванѣ у Эвлиса

Подъ кровомъ темноты; съ вершины ихъ порой,
Сорвавшись, молнія летитъ быстрѣй Фариса
И тонетъ въ синевѣ пустынной и нѣмой.

Н. Луговскій.

Гробница Потоцкой.

(Мицкевича).

Въ странѣ прекрасныхъ дней, межъ пышными садами,
О роза нѣжная! тебя давно ужъ нѣтъ!
Минуты прежнія златыми мотыльками
Умчались; память ихъ точила юный цвѣтъ.

Что жъ сѣверъ такъ горитъ надъ Польшею любимой?
Зачѣмъ небесный сводъ такъ блещетъ тамъ въ звѣздахъ?
Иль взоръ твой пламенный, стремясь къ странѣ родимой,
Огнистую стезю прожегъ на небесахъ?

О Полька! Я умру, какъ ты,—одинъ унылый;
Да броситъ горсть земли мнѣ милая рука!
Въ бесѣдахъ надъ твоей приманчивой могилой
Меня пробудитъ звукъ родного языка.

И вѣщій будетъ пѣть красу твою младую,
И какъ ты отцвѣла въ далекой сторонѣ;
Увидитъ близъ твоей могилу здѣсь чужую,
И въ пѣснѣ, можетъ быть, помянетъ обо мнѣ!

И. Козловъ.

Бахчисарай.

[Ночью при иллюминаціи].

Изъ тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мнѣ,
И на яву прозрѣли очи,
Что только видится во снѣ.

Здѣсь ярко блещетъ баснословный
И поэтическій востокъ:
Свой рай прекрасный, хоть грѣховный,
Себѣ устроилъ здѣсь пророкъ.

Сады, сквозь сумракъ, разноцвѣтно
Пестрѣютъ въ лентахъ огневыхъ,
И прихотливо, и привѣтно
Облита блескомъ зелень ихъ.

Красуясь стройностію чудной,
И тополь здѣсь, и кипарисъ,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноградъ повисъ.

Обвитый огненной чалмою,
Встаетъ стрѣльчатый минаретъ,

И слышится ночною тьмою
Съ него молитвенный привѣтъ,

И нѣгой, полной упоенья,
Ночного воздуха струи
Намъ навѣваютъ обольщенья,
Мечты и марева свои.

Вотъ одалиски легкимъ роемъ
Воздушно по саду скользятъ:
Глаза ихъ пышутъ страстнымъ зноемъ
И въ душу вкрадчиво глядятъ.

Чуть слышится ихъ страстный шопотъ
Въ кустахъ благоуханныхъ розъ;
Фонтаны льютъ свой свѣжій ропотъ
И зыбкій жемчугъ звонкихъ слезъ.

Здѣсь, какъ изъ нѣдръ волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства міръ разнообразный,
Сновъ фантастическихъ игра,

И утонченные соблазны,
И пышность ханскаго двора.

Здѣсь многихъ таинствъ, многихъ былей
Во мракѣ лѣтопись слышна.
Здѣсь дикимъ прихотямъ и силѣ
Служили молча племена;

Здѣсь, въ царствѣ нѣги, бушевало
Не мало смутъ, домашнихъ грозъ;
Здѣсь счастье блага расточало,
Но много пролито и слезъ.

Вотъ стѣны темнаго гарема!
Отъ страстныхъ думъ не отрѣшась,
Еще здѣсь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не можетъ
Младой соперницѣ своей,
И тѣнь ея еще тревожитъ
Живая скорбь минувшихъ дней.

Невольно, роковою страстью
Несется тѣнь ея къ мѣстамъ,

Гдѣ жадно предавалась счастью
И сердца ненадежнымъ снамъ,

Гдѣ такъ любила, такъ страдала,
Гдѣ на любовь ея въ отвѣтъ,
Любви измѣна и опала
Ее скосили въ цвѣтѣ лѣтъ.

Во дни счастливыхъ вдохновеній
Тревожно посѣтилъ дворецъ
Страстей сердечныхъ и волненій
Самъ и страдалецъ, и пѣвецъ.

Онъ слушалъ съ трепетнымъ вниманьемъ
Рыданьемъ прерванный не разъ
И дышущій еще страданьемъ
Печальной повѣсти разсказъ.

Онъ понялъ раздраженной тѣни
Любовь, познавшую обманъ,
Ея и жалобы, и пени,
И боль неисцѣлимыхъ ранъ.

Предъ нимъ Зарема и Марія—
Сковала ихъ судьбы рука—

Грозы двѣ жертвы роковыя,
Два опаленные цвѣтка.

Онъ плакалъ надъ Маріей бѣдной:
И образъ узницы младой,
Тоской измученный и блѣдный,
Но свѣтлый чистой красотой,

И непорочность, и стыдливость
На дѣвственномъ ея челѣ,
И безутѣшная тоскливость
По милой и родной землѣ,

Ея молитва предъ иконой,
Чтобы отъ гибели и зла
Небесъ Царица обороной
И огражденьемъ ей была,—

Все понялъ онъ! Ему не ново
И вчужѣ сознавать печаль,
И пояснять намъ слово въ слово
Сердечной повѣсти скрижаль.

Маріи дѣвственныя слезы
Какъ чистый жемчугъ, онъ собралъ,

И свѣжій кипарисъ и розы
Въ вѣнокъ посмертный ей связалъ.

Но вмѣстѣ и Заремы гнѣвной
Любилъ онъ ревность, страстный пылъ,
И отголосокъ задушевной
Въ себѣ ихъ воплямъ находилъ.

И въ немъ борьба страстей кипѣла,
Душа и въ немъ отъ юныхъ лѣтъ
Страдала, плакала и пѣла,
И подъ грозой созрѣлъ поэтъ.

Онъ передалъ намъ вѣщимъ словомъ
Всѣ впечатлѣнія свои,
Все, что прозрѣлъ онъ за покровомъ,
Который скрылъ былые дни.

Тѣнь и его здѣсь грустно бродитъ,
И онъ, нашъ Данте молодой,
И насъ по царству тѣней водитъ,
Даруя образъ имъ живой.

Подъ плескъ фонтана, сладкозвучный
Здѣсь плачется его напѣвъ,

И онъ—сопутникъ неразлучный
Младыхъ Бахчисарайскихъ дѣвъ.

Кн. Вяземскій.

Изъ памятной книжки.

[БАХЧИСАРАЙ].

.... Все въ запустѣньи! Сынъ востока
Забросилъ чудный уголокъ—
И захирѣлъ въ вѣнкѣ пророка
Блиставшій нѣкогда цвѣтокъ.

Теперь торжественныхъ обѣтовъ
Гиреи въ храмахъ не творятъ,—
Лишь иглы старыхъ минаретовъ
О дняхъ минувшихъ говорятъ;

О дняхъ, когда толпа кипѣла
По переходамъ расписнымъ,
И робкихъ глазъ поднять не смѣла
Передъ владыкою своимъ...

Какъ тихо ханское жилище!
Покой, безмолвье безъ конца....
Лѣниво царское кладбище
На солнцѣ дремлетъ у дворца.

И тихъ навѣсъ, гдѣ жены хана
Глядѣли въ полдень на волну,
И только вѣчный плескъ фонтана,
Звеня, смущаетъ тишину,—

Да сторожъ, звучными шагами
Нарушивъ царственный покой,
Гремитъ старинными ключами,
Идя въ обходъ сторожевой....

П. Гнѣдичъ.

Бахчисарайская ночь.

Сакли и утесы
Мглой осѣнены.
На террасахъ розы
Въ сонъ погружены....

Пѣсня муэззина
Такъ грустна, грустна,
Что тоски-кручины
Вся душа полна.
Ханское кладбище
Глухо и темно,
И, какъ пепелище,
Призраковъ полно....
Вязовъ-великановъ
Сонный рядъ стоитъ....
Тихій плескъ фонтановъ
Отъ дворцовъ летитъ.
И молчатъ утесы,
И сады молчатъ....
И однѣ лишь слезы
Въ тишинѣ звучатъ.

Г. Данилевскій.

Іосафатова долина.

[КАРАИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЛИЗЪ ЧУФУТЪ-КАЛЕ].

Въ мерцаньи зарницы,
Въ сіяніи звѣздъ перекатныхъ,

Бѣлѣютъ гробницы
Подъ сѣнью кустовъ ароматныхъ.

Лиловой сиренью,
Косами плакучей ракиты
И лунною тѣнью
Одѣты гранитныя плиты.

Ни крика, ни шума....
Спятъ крѣпко въ могилахъ евреи,
Спитъ сердце и дума
И спятъ, между камнями змѣи,

Но вотъ улетаетъ
Далеко тревожная память,
Тоска поднимаетъ
На сердце и бурю и замять....

Изъ свѣта зарницы
Выходитъ востокъ предо мною....
Палаты столицы
Кипятъ беззаботной толпою....

Я вспомнилъ невольно
Любовь, красоту и искуства....

И страшно мнѣ было
За бѣдныя смертныя чувства!

Г. Данилевскій.

Чуфутъ-кале.

Грустна еврейская Помпея;
Въ обломкахъ городъ тихъ и пустъ,
Здѣсь ветхій голосъ Моисея
Переходилъ изъ чистыхъ устъ
Въ уста преданьемъ непрерывнымъ,
И, вѣрный праотцамъ своимъ,
Хранилъ завѣтъ ихъ съ рвеньемъ дивнымъ
Благочестивый караимъ.

Сюда, изгнанникъ добровольный,
Онъ свой Израиль перенесъ;
Въ обрядахъ жизни богомольной
Съ годовъ младенческихъ онъ росъ,
И, совершивъ свой путь смиренный,
Достигнувъ мирно позднихъ дней,

Онъ возвращалъ свой пепелъ бренный
Землѣ-кормилицѣ своей.

Крутизнъ и голыхъ скалъ вершины,
Природы дикой красота
Напоминали Палестины
Ему священныя мѣста.
Здѣсь онъ оплаканнаго края
Подобье милое искалъ,
И чуялось ему: съ Синая
Еще Господь благовѣщалъ.

Теперь здѣсь жизнь уже остыла,
Людей житейскій гулъ утихъ,
И словно буря сокрушила
И разметала домы ихъ.
Не тронуты однѣ гробницы
Почившихъ въ вѣчности колѣнъ,
Сіи нетлѣнныя страницы
Изъ повѣсти былыхъ временъ.

Народъ, разрозненный грозою,
Скитальцы по лицу земли!
Здѣсь, наконецъ, вы подъ землею
Осѣдлость вѣрную нашли.

Въ Іосафатовой долинѣ
Васъ ждалъ желаемый покой,
И ужъ не выживутъ васъ нынѣ
Изъ лона матери родной.

Князь Вяземскій.

* * *

Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный;
Взгляни наверхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный,
То цѣлый городъ; смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ
На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласятъ народныя скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
Отъ ига чуждаго бѣжали,

И градъ возникъ на высяхъ горъ.
Забывъ отцовъ своихъ позоръ
И горькій плѣнъ Ерусалима,
Здѣсь мирно жили караимы,
Но ждалъ ихъ давній приговоръ,—
И пала тяжесть Божья гнѣва
На вѣтвь караемаго древа.
И городъ вымеръ. Здѣсь и тамъ
Остатки башенъ по стѣнамъ,
Кривыя улицы, кладбища,
Пещеры, рытыя въ скалахъ,
Давно безлюдныя жилища,
Обломки, камни, пыль и прахъ,
Гдѣ взоръ отрады не находитъ;
Двѣ-три семьи какъ тѣни бродятъ
Средь голыхъ стѣнъ; но дороги
Для нихъ родные очаги
И храмъ отцовъ, отъ моха черный,
Надъ коимъ плавные круги,
Паря, чертитъ орелъ нагорный.

Графъ А. Толстой.

Дорога надъ пропостью въ Чуфутъ-кале.

[Мицкевича].

МУРЗА И ПИЛИГРИМЪ.

МУРЗА.

Молись, закрой глаза и брось поводья разомъ!
Здѣсь человѣкъ свой умъ ввѣряетъ скакуну,—
А дивный конь присѣлъ, измѣрилъ пропасть глазомъ,
И въ мигъ повисъ, схватясь копытомъ за скалу.

Знай, бездна глубже здѣсь колодца въ Эль-Каирѣ:
Ты не гляди туда,—взоръ не достигнетъ дна;
Не простирай руки,—падетъ безъ крылъ въ эфирѣ,
И мысль туда не шли,— погибнетъ тамъ она,

Какъ якорь, пущенный въ неизмѣримость глуби,
Перуномъ упадетъ, но, не вонзясь во дно,
Влечетъ съ собой ладью и въ безднѣ той погубитъ.

ПИЛИГРИМЪ.

А я сквозь щель земли взглянулъ туда давно!
По смерти разскажу мои всѣ тамъ видѣнья:
Въ земныхъ рѣчахъ на то нѣтъ силы выраженья.

Н. Луговскій.

Бахчисарай.

Успенскій скитъ...
Старикъ монахъ
Меня водилъ въ его стѣнахъ,
Заря пылала въ вышинѣ,
И чуткій воздухъ, какъ во снѣ,
Изъ сада мглистаго донесъ
Мнѣ звукъ косы и запахъ розъ,
И ручейка живой привѣтъ:
Онъ мчался въ сумракѣ, одѣтъ
Орѣховъ темною листвой,
И въ мхахъ, безпечный, подо мной,
Сбѣжавъ рѣзвясь на груды скалъ,
О чемъ-то мило лепеталъ...

Я помню спутника слова:
„Я здѣсь живу ужъ года два...
Мы отъ людей удалены
И тишиною спасены“...
Но скучно вамъ?—„Для васъ, мірянъ,
Оно конечно... Но для ранъ
Совсѣмъ измученной души

Нѣтъ благодатнѣй той тиши,
Что здѣсь царитъ и ночь, и день!"...
А между тѣмъ ночная тѣнь
Отъ горъ бѣжала съ холодкомъ
И осаждалася на всемъ...
Зажглися звѣзды въ вышинѣ
И замигали кротко мнѣ...
И тамъ, гдѣ неба меркнулъ край,—
Огни зажегъ Бахчисарай...

* * *

Какая ночь! Какъ много свѣта!
И какъ душиста мгла долинъ!..

Давно на вышкѣ минарета
Умолкъ тоскливый муэзинъ.
Давно надъ блѣдными горами
Заря погасла, какъ пожаръ...
Уже безмолвствуетъ базаръ.
Подъ кружевными тополами,
На крышѣ плоской, у огня,
Сидитъ татарская семья;
Играютъ дѣти... Въ саклѣ дальной

Стыдливо замеръ звукъ зурны,
Меланхоличный и печальный,
Какъ всплескъ таврической волны...
Скользнула тѣнь; за ней—другая...
Гостей обычныхъ поджидая,
Кофейни дремлютъ... По камнямъ
Простукалъ всадникъ... Здѣсь и тамъ,
Въ садахъ таинственны и нѣмы,
Подъ говоръ оживленный водъ,
Мерцаютъ сонные гаремы...
Чу! Словно крикъ!.. И вновь плыветъ
Безшумно тѣнь... Въ горячемъ мракѣ,
Вслѣдъ за скрипучею арбой,
Перекликаются собаки...
Ведутъ коней на водопой...
И снова—тишь, и сонъ, и зной!..

* * *

Какая ночь!..
Вотъ мостикъ надъ рѣкою
Привелъ меня къ дворцу, и торопливо
Встаетъ татаринъ-сторожъ, чтобъ съ поклономъ
Мнѣ отворить узорную калитку:

Вельможъ надменныхъ, можетъ быть, потомокъ—
Онъ ждетъ подачки рабски, униженно...

Вхожу одинъ. Дворецъ ужъ властно бросилъ
Густую тѣнь во дворъ и садъ пустынный...
Тамъ шепчутся незримо водоемы,
Тамъ въ воздухѣ, журчаньемъ напоенномъ,
Какъ будто тѣни робкія таятся...
Вотъ и гаремъ!.. Капризною мечтою
Онъ мнится мнѣ.... Въ рѣшетчатомъ окошкѣ,
Гдѣ ждешь увидѣть смуглую головку
Какой-нибудь лукавой одалиски,
Иль евнуха,—озарены луною,
Заснули голуби... Кладбище хановъ—
Владыкъ когда-то грозныхъ и суровыхъ—
Надгробьями мерцаетъ за рѣшеткой,
И минаретъ поднялся къ небу смѣло,
Какъ сталактитъ гигантскій и блестящій...

Привѣтъ тебѣ, чертогъ страстей и нѣги!...
Ты близокъ мнѣ: тутъ нѣкогда скитался,
Задумчивъ, одинокъ, великій Пушкинъ!...
Тутъ прошлое живетъ еще невольно,
И говоритъ здѣсь сердцу мертвый камень!..

А ночь душна, и дышитъ ароматомъ,
И опьяняетъ мозгъ... Все ждетъ кого-то,
Томительно, и сладко, и напрасно...
Но тихо все, такъ тихо!..

* * *

Въ лучахъ луны
Фонтанъ журчитъ
И говоритъ
Изъ тишины.

„Фонтаномъ слезъ“
Его прозвали:
Символъ печали,
Мечты и грезъ,
И вздоховъ бурныхъ!...
Еще здѣсь живъ
Въ струяхъ лазурныхъ
Волшебный миѳъ,
И тѣнь *Маріи*
Груститъ порой
Здѣсь надъ водой
Въ часы ночные...

Чу! Будто стонъ?...
Дитя мечты,
Откуда онъ?!
—Зарема, ты?!..

И въ нѣжный шопотъ
Стыдливыхъ водъ
Ревнивый ропотъ
Вступилъ... Растетъ...
Ожили струи—
Суровъ ихъ строй:
Въ немъ—поцѣлуи,
И ядъ, и зной;
Любви признанья
И вопль страданья,
И смерти бредъ...

Но тихо... Нѣтъ!
Меня обманетъ
Здѣсь каждый кустъ...
И садъ такъ пустъ!...
Никто не встанетъ
У этихъ водъ,
И не придетъ

Евнухъ угрюмый
Тревожить думы!..

А. Нивинъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЕВАСТОПОЛЬ.

ХЕРСОНЕСЪ, БАЛАКЛАВА.

Севастополь.

Какъ мертвый исполинъ, на грудь скрестившій руки,
Недвиженъ ты лежишь на мертвыхъ берегахъ.
Безлюдны улицы, обросшія травою,
Колонны бѣлыя возносятся вдали...
Тутъ опустѣлый храмъ, тамъ цѣлою грядою
Упавшіе дома валяются въ пыли.
Вездѣ слѣды огня... Въ стѣнѣ ядро чернѣетъ,
Осколки ржавыхъ бомбъ топчу я подъ ногой.
О, городъ мертвецовъ, чья мысль уразумѣетъ
Величіе могилъ, оставленныхъ тобой!..

В. Немировичъ-Данченко.

Севастопольское братское кладбище.

Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна
Средь капарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ!
Рукою набожной слежила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ...
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ,
И мнится, всѣ они шаги живого слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тутъ, что ни мавзолей, ни подпись,—все боецъ;
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ,
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено,
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно...

А. Фет.

На развалинахъ Севастополя.

[Отрывокъ]

Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды;
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
В. Жуковскій.

Стою средь развалинъ, какъ древле пророкъ,—
Повсюду кругомъ разрушенье!...

цѣсь грозно гнѣвъ Божій надъ Русью протекъ—
Да будетъ ей казнь въ искупленье.
гою средь развалинъ... Вдали предо мной
Слѣды непріязненныхъ становъ.
хъ рвы, батареи, ихъ валъ земляной
И строй невысокихъ кургановъ.
ѣтъ счету курганамъ и насыпямъ тѣмъ;
Далеко вся мѣстность изрыта...
гкуда взялись тѣ курганы? Зачѣмъ?...
Противнымъ они не защита!
го поднялъ здѣсь землю холмами кругомъ,
Какія подземныя силы?...
асыпаны, взрыты тѣ холмы врагомъ,
Тѣ холмы—то вражьи могилы.
ѣзъ мѣры и счету здѣсь врагъ схоронилъ
И силы, и крови, и злата;—
длинны ряды этихъ чуждыхъ могилъ,
Кровавая распри уплата!
а, здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, подъ этой стѣной,
Великое дѣло свершилось:
цѣсь русская доблесть, за край свой родной,
Съ Европою цѣлой схватилась;

И схватки подобной не видывалъ свѣтъ;
Казалося, смерть съ рузрушеньемъ
Здѣсь дали другъ другу кровавый обѣтъ
Весь міръ удивить истребленьемъ.
И міръ устрашенный съ томленьемъ слѣдилъ
За ходомъ борьбы небывалой,
Гдѣ грозную массу невиданныхъ силъ
Народная грудь отбивала.
И долго, и страшно тянулась борьба...
Грядущаго темной завѣсой,
Какъ будто колеблясь, закрыла судьба,
Кого подаритъ перевѣсомъ.
И чуденъ былъ этотъ неслыханный споръ:
Мѣнялась въ немъ роль воевавшихъ:
Не разъ осажденный, отбросивъ напоръ,
Въ осадѣ держалъ осаждавшихъ;
Разимый жестоко, жестоко отмщалъ
Онъ гибель поверженныхъ братій....
И западъ надменный не разъ трепеталъ
За участь имъ посланныхъ ратей.
И все, что отчаянье, зависть и страхъ
Могли изобрѣсть къ истребленью,

Все это придумалъ и выполнилъ врагъ
Надъ грознымъ ему укрѣпленьемъ.
Всей силой, всей мощью грозы боевой
Европа надъ нимъ разразилась;
По воздуху, моремъ, съ земли, подъ землей,—
Отвсюду погибель стремилась;
Несчетныхъ орудій, и ночью и днемъ,
Огонь свирѣпѣлъ неисходный;
Но твердъ и спокоенъ подъ смертнымъ дождемъ
Стоялъ нашъ солдатъ благородный.
Когда же разбитый обрушился валъ,
Онъ, грудью его замѣняя,
Еще отбивался, еще поражалъ,
Отвагой враговъ изумляя.
Среди разрушеній, пожаровъ, могилъ,
Тѣснимый все болѣ и болѣ,
Онъ такъ же былъ грозенъ. Когда жъ уступилъ,
Смиряясь предъ Божьею волей,
Не городъ, не крѣпость достались врагамъ,
А груды развалинъ и праха;
Но радость побѣды ихъ встрѣтила тамъ,
А думы сомнѣнья и страха.
Предъ ними, растерзанъ, въ обломкахъ, лежалъ

Могучаго остовъ избитый;
Но падшій, казалось, еще угрожалъ
Какою-то гибелью скрытой.
Изъ каждаго камня глядѣла бѣда,
Угрозой имъ въ очи сверкая...
О, вѣрно, на память пришла имъ тогда—
Невольно—Москва роковая!
И съ ужасомъ вспомнилъ ликующій врагъ,
Спѣша удалиться въ смущеньи,
Что часто въ Россіи и въ самыхъ стѣнахъ
Таится для недруговъ мщенье.
Такъ палъ Севастополь. Паденія гулъ
Отгрянулъ, какъ громъ въ отдаленьи,
И западъ враждебный впервые вздохнулъ
По долгомъ и тяжкомъ томленьи...
Такъ палъ Севастополь.... И рухнуло съ нимъ
На долго значенье Россіи,

И хвалятся гордо успѣхомъ своимъ
Ея супостаты лихіе;
И шумно, и весело празднуетъ врагъ
Могучей грозу и паденье....
Но только родные народы въ цѣпяхъ

Оплачутъ надежду спасенья!
А вы, ратоборцы за русскую честь,
Герои великой защиты!
Вѣковъ достоянье—чудесная вѣсть,
О вашей борьбѣ знаменитой!
Хвала вамъ, отчизнѣ о васъ не забыть:
Вы честно родной послужили;
И что человѣку возможно свершить,
Могучіе, все вы свершили!...

Смиримся-же, други; въ паденьи своемъ,
Повинны мы всѣ безъ изъятья.
Прощенье другъ другу, и честно пойдемъ
Путемъ покаянія, братья!
Возстань же, Россія! родная, возстань
На трудъ трисвятой обновленья,
На честную битву, на славную брань:
Настала пора пробужденья!
Кто бъ ни былъ ты—воинъ, купецъ, селянинъ,
Художникъ, судья, воевода,
Въ комъ русское сердце, кто родинѣ сынъ,
Кому дорога честь народа!
Возстанемте дружно, забывъ о себѣ,

На общую требу спасенья;
Всѣмъ дѣло найдется къ суровой борьбѣ,
Въ работѣ святой возрожденья!...

М. Розенгеймъ.

Въ Севастополѣ.

Здѣсь есть святыня, русская святыня,
Великихъ жертвъ, великой скорби край,
Но торжествомъ вещественнымъ, гордыня,
Предъ скорбью сей себя не величай.

Богатыря на поединокъ честный,
Разсчетливый врагъ вызвать не посмѣлъ,
На одного кличъ поднялъ повсемѣстный,
И на него ордами полетѣлъ.
Насильствомъ врагъ вѣнчалъ свою гордыню,
Надъ камнями побѣду одержалъ,
Онъ разгромилъ бездушную твердыню,
Но русскій духъ въ паденьи устоялъ.

Здѣсь понесла свой тяжкій крестъ Россія;
Но этотъ крестъ—сокровище для насъ;
Таятся въ немъ страданья намъ родныя,
Страдалъ и Тотъ, Кто міръ страданьемъ спасъ.

Сей крестъ облитъ великодушной кровью,
Прославленъ онъ духовнымъ торжествомъ,
И передъ нимъ съ сыновнею любовью,
Склоняемся мы набожнымъ челомъ.

Цѣлуемъ мы сіи святыя раны,
Живыя мощи доблестныхъ бойцовъ;
И пепелъ сей и мертвые курганы
Краснорѣчивѣй всѣхъ похвальныхъ словъ.

На насъ отъ сихъ развалинъ скорбью вѣетъ,
Но мужествомъ воспламеняетъ грудь,
И молча путникъ здѣсь благоговѣетъ
И падшихъ онъ дерзнетъ ли упрекнуть?

Нѣтъ, не кладбище здѣсь народной славы:
Изъ камней сихъ въ сіяньи возстаетъ
Алтарь любви нетлѣнный, величавый,
Отечества святыня и кивотъ.

Изъ рода въ родъ помянемъ эти бои,

ѣжить, рокочетъ все одно:
Въ просторѣ жить мнѣ суждено"?!.

В. Щербина.

Аюдагъ.

(Мицкевича).

Люблю я, опершись на скалы Аюдага,
ютрѣть, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,—
ікъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
і въ радуги дробясь, то пылью снѣговой;

И сушу—рать китовъ, воюя, облегаетъ;
іять стремится въ бѣгъ отъ влажныхъ береговъ,
дань богатую въ побѣгѣ оставляетъ:
ѣбристыхъ раковинъ, коралловъ, жемчуговъ.

Такъ страсти пылкія, подъемляся грозою,
і сердцѣ у тебя кипятъ, младой пѣвецъ;
і лютню ты берешь,—и вдругъ всему конецъ.

Мятежныя бѣгутъ, смѣняясь тишиной
И пѣсни дивныя роняютъ за собою:
Изъ нихъ вѣка плетутъ безсмертныя твои [illegible]

[illegible]

Аю—Даг

Тамъ, гдѣ извилины дорогъ
Снуютъ свою вкругъ моря [illegible]
Вотъ страшно выползъ из [illegible]
Громадной тучности [illegible]

Глядитъ налѣво и направо
И вдаль онъ смотритъ [illegible]
И подпираетъ великаго
Хребтомъ косматымъ [illegible]

Въ своемъ спокойствіи [illegible]
Улегся плотно исполинъ
Любуясь и роднымъ [illegible]
И роскошью его картинъ

[illegible]

Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.
Война молчитъ и жертвъ не проситъ,
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ,
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

Молчитъ и онъ ... Какъ рушъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточаясь,
Его снесли огнемъ и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... Такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!

Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И, вмѣсто камня, намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ,
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло въ берегъ славы плещетъ...
Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она....

Некрасовъ.

* *
*

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,
И море синее, и васъ, крутыя скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый.
Усталымъ путникамъ, въ палящій лѣтній день,
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь.
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны,
Но сколько горестной я вижу перемѣны!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ,
Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шутки площадныя,
Гдѣ съ наглымъ торжествомъ поносится Россія;
Все тѣ-же громкія, хвастливыя слова
Нечестное враговъ оправдываютъ дѣло...

Вздохнувъ, иду впередъ; мохнатая сова
Безшумно съ зеркала разбитаго слетѣла,
Вотъ въ уголъ бросилась испуганная мышь...
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы—
А изъ саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,

Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтутъ,
Какъ будто на дѣла враждебнаго народа
Набросить свой покровъ старается природа;
Вотъ ящерица здѣсь, межъ зелени и плитъ,
Блестя какъ изумрудъ, извилисто скользитъ,
И любо ей играть въ молчаніи могильномъ,
Гдѣ на полъ солнца лучъ столбомъ ударилъ пыльнымъ.

Но вотъ ужъ сумерки; вотъ постепенно мгла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла,
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ все темнѣе,
Душистѣе цвѣты, и запахъ травъ сильнѣе;
На сломанномъ крыльцѣ сижу я, полонъ думъ—
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря шумъ!..

Графъ А. Толстой.

На Черномъ морѣ.

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
Мнѣ побесѣдовать съ тобой:

Сердитый валъ къ намъ въ люки бьетъ;
Фонарь скрипитъ надъ головой;
И тяжко стонетъ пароходъ,
Какъ умирающій больной.

Ты также раненъ, какъ и я...
Но эти раны жгутъ меня,
И въ то же время холодятъ:
Не спасъ меня хирурга ножъ!
Но ты меня моложе, братъ,—
И ты меня переживешь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ,
И этотъ гулъ, и этотъ дымъ,
И эти кучи смрадныхъ тѣлъ
Забудешь ты когда-нибудь,
Куда бы ты ни полетѣлъ
Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
Ты вспомнишь—ужасъ!—ты въ крови
Топталъ товарищей своихъ,
Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
Лежалъ, страдалъ и—не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
Купили мы разъ линъ рядъ!
Для человѣческихъ ушей
Громъ неестественный гремѣлъ,
Когда мы лѣзли изъ траншей
На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

И одолѣли мы врага...
И замеръ крикъ... Едва нога
Француза перешла тотъ валъ,
Гдѣ былъ когда-то ихъ редутъ,
Вслѣдъ за громами вдругъ насталъ
Какъ бы послѣдній страшный судъ.

Неслыханная тишина,
Тоски и ужаса полна,
Распространившаяся вдругъ,
Казалось, говорила намъ,
Что небеса пришли въ испугъ,
Что страшно даже мертвецамъ.

На камняхъ я, лишенный силъ,
Лежалъ—и вотъ глаза раскрылъ...
Молчанье скалъ, затихшій громъ—

Все было страшно такъ... Привстать
Хотѣлось... Голову съ трудомъ
Я поднялъ—и хотѣлъ кричать...

Стѣна была обагрена...
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ—и отъ земли
Тяжелый поднимался паръ...
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы....
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но—ѳиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутитъ тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Вкушаетъ славу!.. Я бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить...
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить...

И гдѣ, казалось бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ...
Но—умираю. Все, что я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоитъ, и не отходитъ прочь.

Я вижу—вотъ моя семья...
Вотъ мать... Вотъ нѣжная моя
Подруга... дѣти.... Боже мой!
А это кто?! Иль это бредъ?..
Какой-то призракъ роковой—
Въ блестящей мантіи скелетъ...

Ужели смерть?.. Зачѣмъ она
Грозя кричитъ: „Пылай, война!
Враждуйте, племена всѣхъ странъ!

Вотъ вамъ республика и тронъ,
И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!“

Скажи, что значу я предъ ней,
Со всею гордостью моей?..
Ея десница мнѣ на грудь
Легла,—и я, какъ тряпка, смять!
Освободи, братъ! Дай вздохнуть!
Ага! да ты ужъ умеръ, братъ!

Я. Полонскій.

Солдатская пѣсня о Севастополѣ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,

Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ и насъ побѣдили.

А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ,
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.

Я спою, какъ, покинувъ и домъ и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.

Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что идутъ умирать,
И какъ свято они умирали!

Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью,
Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;

Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны

Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью расли бастіоны,—

И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...

Пусть не радостна пѣсня, что вамъ я пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

А. Апухтинъ.

Севастополь.

[А. Н. Майкову].

Я видѣлъ городъ, разоренный
Свинцомъ, каленымъ чугуномъ,
Могилъ рядами окруженный
И моремъ обнятый кругомъ.

Я былъ, гдѣ „братская могила“
Стоитъ торжественно—уныла
Надъ сотней тысячъ жизней. Тамъ
Пріютъ умолкнувшій громамъ,
Конецъ отваги безпримѣрной...
А море плещетъ глухо, мѣрно
Въ отвѣтъ здѣсь пролитымъ слезамъ.

Я видѣлъ городъ возрожденный,
Со всплывшей стаей кораблей,
Ихъ первымъ громомъ пробужденный
Глубокій сонъ морскихъ зыбей.
Здѣсь видѣлъ смерти величанье
Я въ храмахъ мраморныхъ, а тамъ
Погоню жизни по слѣдамъ
Еще зіявшаго страданья....
Но свѣтлый городъ средь могилъ,
Но жизни пиръ, глушащій стоны,
Звучали эхомъ обороны
И дымомъ вѣяли кадилъ.

П. Ковалевскій.

Севастополь.

Я помню: день румяный догорал,
Отъ моря сыростью соленой потянуло,
Къ ногамъ моимъ скатился сонный валъ
И въ море вновь ушелъ безъ гула.
Въ померкшей синевѣ хладѣющихъ небесъ
Зажглися звѣзды крупныя безъ счета,
И пала сладкая дремота
На голубой заливъ, на мачтъ недвижный лѣсъ...
Какъ грозно высилась — одна сплошная рана —
Надъ моремъ тѣнь Малахова кургана!
Священный край! Сбылося, наконецъ,
То, что давно такъ душу волновало:
Вотъ я съ тобой, — задумчивый пѣвецъ...
И прошлое меня таинственно объяло...
Не красота твоихъ глубокихъ водъ,
Не прелесть зорь, не нѣга ночи южной
Меня влекли... Нѣтъ, мой приходъ
Былъ полонъ радости недужной:
Хотѣлось плакать мнѣ, припасть къ землѣ сырой
Моими грѣшными устами,
Обняться съ этими крестами

И прошептать: „О, родина, я твой!
Прости, прости меня!“—А сердцу говорила
Такъ внятно надпись: „Братская могила!“

А. Жиркевичъ.

* * *

Тамъ, гдѣ нагорный воздухъ чище,
Межъ кипарисовъ и крестовъ,
Раскинулось пустынное кладбище.
Густая рать надгробій и крестовъ
Ревниво миръ усопшихъ охраняетъ
И смерти часъ живымъ напоминаетъ.
О, сколько ихъ, спасаяся, сюда,
Къ завѣтнымъ берегамъ пристало,
Чтобъ не вернуться никогда!..
Надежда робкая дѣйствительность скрывала;
Казались имъ вѣрнѣе друга
Сосна въ горахъ и солнце юга!

Какой насмѣшкою, средь мертвой тишины,
Доносится сюда и смѣхъ дѣтей безпечный,
И ароматъ таврической сосны,
И моря ропотъ вѣковѣчный!...

А. Жиркевичъ.

Пѣснь Севастополю.

Возставъ отъ сна, идя ко сну,
Въ молитвѣ, сердцемъ умиленный,
Что день тебя воспомяну,
Многострадалецъ нашъ священный!

Десница, ты забвенна будь,
Забвенъ будь весь составъ мой бренный,
Когда забуду вспомянуть
Тебя, навѣки незабвенный!

Изъ ада молній и громовъ,
Изъ пещи, триста кратъ разженной,

Гдѣ пали тысячи бойцовъ,
Богохранимо изведенный,—
Я, какъ съумѣю, пропою,
Въ походъ готовясь замогильный,—
Пѣснь лебединую мою,
Тебѣ на славу, витязь сильный!

Изъ ничего родясь, ты взросъ,
Огнемъ и жупеломъ крещенный;
Младенецъ въ пеленахъ—колоссъ,
Разилъ толпы враговъ надменныхъ!
Возникъ изъ праха, а стоялъ
Скалой—грозой неодолимой;
Что часъ горѣлъ и не сгоралъ,
Нашъ адамантъ несокрушимый!
Самсона сильнаго сильнѣй,
Средь безпрерывныхъ битвъ кипучихъ,
Ты вынесъ честь Россіи всей,
Одинъ на раменахъ могучихъ!
Что день стригомый, обросталъ
Чрезъ ночь власами новой силы;
Громимый, громы самъ металъ
И супостатамъ рылъ могилы!

Ты не стѣнами охранялъ
Святой залогъ:—его хранили
Грудь богатырская славянъ,
Отчизна, Царь и Божьи силы!

Героевъ дивныхъ породилъ
Въ своихъ твердыняхъ скороспѣшныхъ;
Европу, міръ весь удивилъ
Величьемъ подвиговъ чудесныхъ!

Многострадальный, изнемогъ
Въ борьбѣ жестской, безпримѣрной;
Но, великанъ нашъ!—ты не легъ,
Не палъ, какъ Мецъ, Седанъ презрѣнный!

Нѣтъ! Древнимъ предкамъ подражая,
Достойный внукъ богатырей,
Ты легъ костьми—и, погибая,
Не посрамилъ земли своей!

И сохранятъ бытописанья,
Потомкамъ дальнымъ въ образецъ,
Твои геройскія страданья,
Равно—геройскій твой конецъ!

Грядущій родъ воспомянетъ

Тебя крестомъ, мольбой;—а новый,
Нашъ юный родъ уже плететъ
Вѣнецъ безсмертія лавровый!

Царя, безсмертнаго дѣлами,
Великій Сынъ вѣнчать готовъ
Своими царскими руками
Героя и его сыновъ!

Воскресни, встань, подвижникъ велій,
По гласу Русскаго Царя!
Тебѣ „покой“ мы „вѣчный“ пѣли,—
Да воспоемъ тебѣ „ура!“

Протоіерей К. Дорошкевичъ.

Могилы героевъ, погибшихъ въ бою,
Предъ вами колѣна сгибая,
Въ печальномъ раздумьѣ я молча стою,
О всемъ, что прошло, вспоминая.

Кругомъ васъ кровавыя волны текли,
Картечи и бомбы летали;

На вѣрную смерть вы себя обрекли,
Но Крымъ дорогой отстояли.

Какъ дѣти Израиля, по морю шли,
Титановъ твердыни слагали,
Терпѣли вы много для русской земли,
Безмѣрно и долго страдали.

Хвала вамъ, герои!... Какъ кладъ дорогой,
Россіи вы честь сберегали,
И, помня обѣты и долгъ свой святой,
Ни пяди земли не отдали.

Кн. Е. Горчакова.

Пѣсня русскимъ воинамъ, раненымъ въ Севастополѣ.

Защитники страны родной,
О вы, чья кровь лилась рѣкой
За Русь Святую нашу,—
Пусть голосъ нашъ къ вамъ долетитъ:

Васъ всѣхъ Москва благодаритъ
За кровь и жертву вашу!

Вы лихо, милые, дрались;
Вы въ поле ратное неслись
Грозой на супостата;
За Севастопольской стѣной
Держался грудью русскій строй.
Спасибо вамъ, ребята!

Вся русская твердитъ семья:
Хвала и слава вамъ, друзья,
И многи, многи лѣта!
Хвала, солдатушки, вождямъ;
Они примѣромъ служатъ вамъ,—
Спасибо имъ за это!

Тебѣ спасибо, вождь сѣдой:
Уменъ и твердъ ты,—Богъ съ тобой;
Богъ дастъ, намъ Крымъ спасешь ты!
Да, жребій твой всѣхъ тяжелѣй:
Ты сторожъ русскихъ рубежей,
За все отвѣтъ несешь ты!

Отъ всей души спасибо вамъ,
Двумъ юнымъ Царскимъ Сыновьямъ,

Царевичамъ прекраснымъ!
Съ солдатомъ рядомъ вы въ строю
Подвергли пулямъ грудь свою
Съ спокойствіемъ безстрастнымъ.

Хвала вамъ, славные бойцы!
Вамъ, наши свѣты—молодцы,
Упавшимъ въ жаркомъ боѣ!...
Мольбой за васъ мы чтимъ вашъ прахъ,
И память вѣчную въ сердцахъ
Вамъ сохранимъ, герои!

Корниловъ храбрый,—ты тужилъ,
Что не довольно послужилъ
Царю, отчизнѣ, Богу:
Утѣшься!... Смертію честной
Другимъ сынамъ страны родной
Ты указалъ дорогу!

Свершить твой подвигъ начатой
Не могъ ты, воинъ удалой,
Нашъ *Соймоновъ* безстрашный!
Ты въ вражій станъ какъ громъ проникъ,
Твой нагулялся смѣлый штыкъ
Средь битвы рукопашной!

Въ Царьградѣ двѣ могилы есть
Двумъ Русскимъ: ихъ воздвигла честь.
Тамъ *Гогиновъ, Щелкановъ.*
Передовые наши тамъ
Легли угрозою врагамъ
Въ виду самихъ Балкановъ.

Когда-нибудь... Но что слова?...
Сегодня матушка-Москва
Васъ чествуетъ и славитъ;
Настанетъ день, придетъ пора,—
Она воскликнетъ вамъ ура!
Съ побѣдой васъ поздравитъ!

Вотъ вамъ, отъ имени Москвы,
Сердечный даръ, чтобъ были вы
И сыты и согрѣты!
Пусть вамъ Господь на Новый Годъ
Здоровье съ счастіемъ пошлетъ
И многи, многи лѣта!

Графиня Ростопчина.

Молитва объ ополченныхъ.

Заступница усердная
Молящейся Руси,—
Икона чудотворная,
Помилуй и спаси!
И прежде ополчалась Ты
За свой народъ честной,
И въ день побѣды ранена
Татарскою стрѣлой.
Опять на насъ крамольныя
Идутъ орды враговъ,—
Въ годину намъ тяжелую
Будь щитъ нашъ и покровъ!
И въ день, когда мы празднуемъ
Священный праздникъ Твой,
Опять Москва сбирается
Въ походъ на жаркій бой,
Народнымъ ополченіемъ
На царскій зовъ встаетъ,
И въ руку знамя бранное,
Перекрестясь, беретъ...
Благослови, Владычица,

И знамя, и бойцовъ,
Чтобъ стаяли, чтобъ сгинули
Предъ нами тьмы враговъ!
Велишь,—Аллы защитниковъ
Смутитъ смертельный страхъ,
И нечестивыхъ полчища
Разсыплются какъ прахъ!
Велишь,—и снова Русь Твоя
За вѣру постоитъ,
И православныхъ воиновъ
Оружье побѣдитъ!
Велишь,—Тобой хранимые,
Всѣ здравы, спасены,
Вернутся невредимые
Къ намъ братья и сыны!
Услышь, услышь, Владычица,
Молитву всей Руси!
Заступница усердная,
Помилуй и спаси!

Гр. Ростопчина.

Сестрамъ Крестовоздвиженской общины.

Богъ помощь вамъ, возлюбленныя наши,
Богъ помощь вамъ въ терпѣньѣ и трудахъ!
Пусть Ангелы Его, дѣла считая ваши,
Радѣютъ въ небесахъ о вашихъ головахъ.

Вы служите Ему не въ кельѣ монастырской,
За крѣпкою стѣной обители святой.—
Нѣтъ! вдохновенныя отвагой богатырской,
Какъ сестры, вы пошли за братьями на бой!

Вы, жены кроткія, застѣнчивыя дѣвы,
Вы ужасамъ войны и смерти обреклись;
Гдѣ гибнутъ тысячи, гдѣ льется кровь, вездѣ вы,
И свыклись съ гибелью, и съ кровью обжились.

Пусть лопнула картечь, пусть пуля свищетъ въ уши,
Вы только креститесь,—и къ страждущимъ скорѣй,
Ихъ раны врачевать и подкрѣплять ихъ души,
Спасти, иль проводить молитвой ихъ своей.

Какъ женщины, вы нѣжны, сердобольны,
Но храбрымъ мужествомъ съ героями равны;

Когда вашъ взоръ и духъ смущаются невольно,—
Вы теплой вѣрою тотчасъ оживлены.

Больной и раненый,—все васъ благословляетъ,
Все васъ привѣтствуетъ улыбкой и мольбой,
И на рукахъ у васъ спокойнѣй умираетъ
Нашъ воинъ-мученикъ подъ вашею слезой.

Какой наградою почтитъ васъ Русь святая?
За ваши подвиги какой хвалой воздать?
Нѣмѣетъ похвала... безсильна власть земная...
Не здѣсь, не намъ васъ награждать!

Одинъ Господь оцѣнитъ трудъ священный,
И жертву вашихъ дней, вдали друзей, родныхъ,—
И тамъ, на небесахъ, васъ ждетъ вѣнецъ нетлѣнный,
Замѣна всѣхъ наградъ, всѣхъ почестей земныхъ!

Гр. Ростопчина.

Черноморскимъ морякамъ.

Стихи, говоренные на обѣдѣ 25 Февраля 1856 г., данномъ московскими дамами защитникамъ Севастополя.

Ура, защитники Россіи!...
Добро пожаловать въ Москву!

У ней вы гости дорогіе,
Про ваши подвиги святые
Давно ужъ чтитъ она молву.

Герои вѣрности и вѣры,—
Вы, наши чудо-молодцы,
Затмили удалью безъ мѣры
Всѣхъ древнихъ доблестей примѣры,
Всѣ бранной славы образцы.

Что Данцигъ, Сарагосса, Троя
Предъ Севастополемъ роднымъ?
Нѣтъ битвъ страшнѣй, нѣтъ жарче боя...
Дыша въ огнѣ, вы гибли стоя
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ!

Предъ Севастопольской осадой
Что слава всѣхъ осадъ другихъ?
Когда пловучія армады
Такихъ несмѣтныхъ силъ громады
Водили на враговъ своихъ?

Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ,—
А все осада продолжалась,

И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло,—
И безполезныя могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,
Въ борьбѣ безвыходной нашло.

У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ, незамѣнимыхъ,—
А Севастополь все стоялъ!

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать:
Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,—
Но Богъ судилъ его отдать!

Честь спасена,—а съ ней и слава,
И вамъ та честь принадлежитъ!
Своею памятью кровавой
Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ!

Ура, защитники Россіи!
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почетъ!
Отъ сердца вамъ слова простыя
Мы скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ Россійскій флотъ!...

Гр. Ростопчина.

Героямъ Севастополя.

Вамъ глубокій отъ насъ и поклонъ и почетъ,
Наша русская хлѣбъ-соль съ привѣтомъ,
Вы народа краса, Руси крѣпкій оплотъ,
Ваша слава гремитъ передъ свѣтомъ.

И встрѣчаемъ мы здѣсь васъ, гостей дорогихъ,
И гордимся присутствіемъ вашимъ,
И чего не доскажетъ смиренный мой стихъ,
Полнымъ сердцемъ доскажется нашимъ.

Мы молились за васъ, были съ вами душой,
Какъ вы твердо предъ смертью стояли,

И не день, и не часъ,—цѣлый годъ роковой
Вы въ лицо ей безстрашно взирали....

Отдаленныхъ потомковъ сыны затвердятъ
Имена ваши, славныя вѣчно,
Отъ конца до конца вашихъ подвиговъ рядъ
Пронесется молвой безконечной.

Здѣсь же каждый изъ насъ, и теперь и позднѣй,
Съ восхищеньемъ и гордостью скажетъ:
„Я ихъ видѣлъ, героевъ, желанныхъ гостей,“
И гдѣ видѣлъ, то мѣсто покажетъ.

Ю. Жадовская.

На развалинахъ Севастополя.

Какъ много тяжелыхъ и сладостныхъ думъ,
Приводитъ на память затихнувшій шумъ
Той битвы кровавой, что въ жизни народной
Сказалась къ отчизнѣ любовью свободной!
Той битвы, что двинула русскій народъ,
Невидимой силою, быстро впередъ.
Какъ путникъ, застигнутый страшной грозою,
Не зная пріюта, съ смиренной мольбою,

Къ Подателю благъ обратиться спѣшитъ
И исповѣдь жизни грѣховной творитъ;
Такъ, славу купивъ дорогою цѣною,
Мы сознали слабость и мощь за собою,
И, пыль многихъ лѣтъ отряхнувши долой,
Разумнѣе зажили жизнью иной.
Година страданій, утратъ, разоренья,
Для Руси годиной была возрожденья;
Свѣтильникъ намъ жизненный новый зажгла,
Былыя невзгоды спалила до тла.
Не даромъ геройскій народъ потрудился,
Онъ славы и жизни свободной добился!
Не даромъ громъ вражій насъ страшно громилъ,
Заснувшія чувства онъ въ насъ пробудилъ.
Какъ пахарь на нивѣ трудится съ любовью;
Такъ Русь обагрила сыновнею кровью
Утробу родной, плодотворной земли,
И всходы обильные скоро взошли.
Кровавой работы пора миновала,
Уборки посѣва забота настала!
И Русь не престанетъ плоды пожинать,
И пахарей—братьевъ въ мольбахъ поминать!

Три царства на насъ налетѣли грозою,
Но русскій народъ не съ поникшей главою
Ихъ встрѣтилъ, а какъ богатырь—исполинъ
Помѣряться съ ними явился одинъ.
И годъ враги бились, его не сломали,
А дѣти-герои въ бою возмужали.
Окрѣпли въ годину той грозной войны,
Что создала славу родимой страны.
И Русь, на твердынѣ, войной разоренной,
Явилася міру страной обновленной!
Впередъ жить Россіи никто не мѣшай!
Но—вольному воля, спасенному рай!

Владиміръ Коссинскій.

Братскія могилы.

Въ Крыму, гдѣ всюду смерть витала,
На бастіонахъ, средь полей,
Россія много потеряла
Храбрѣйшихъ, преданныхъ дѣтей!
Таланты, доблести и силы

Землѣ спасенной преданы;
Друзьями: *„братскія могилы“*
Могилы храбрыхъ названы.
Прошли года; гдѣ схоронили
Героевъ падшихъ, нынѣ тамъ
Надъ ихъ безсмертною могилой
Воздвигнутъ колоссальный храмъ.
Пройдутъ вѣка; къ мѣстамъ священнымъ
Потомокъ поздній нашъ придетъ,
И тамъ, по надписямъ нетлѣннымъ,
Былого истину прочтетъ.
Слезою чистой уваженья
Онъ память праотцовъ почтитъ,
И, полный чувствъ благоговѣнья,
Съ мольбой колѣна преклонитъ.
Пойметъ въ тотъ мигъ, какая сила
Спасала Русь,—какой гранитъ!
И сколько каждая могила
Въ себѣ великаго хранитъ!

Владиміръ Кассинскій.

ХЕРСОНЕСЪ.

Печальнѣй никогда не видѣлъ я руинъ.
Разрытые дома зіяютъ, какъ могилы,
На пыльныхъ насыпяхъ растетъ бурьянъ унылый
И съ вѣтромъ плачущимъ бесѣдуетъ одинъ.
Ютится мохъ на днѣ разрушенной цистерны,
Низринутъ мавзолей и спитъ, какъ стражъ невѣрный.

И тихо межъ руинъ бродилъ я, какъ больной;
Холодный страхъ въ душѣ смѣнялся скорбью жгучей,
И наконецъ я сталъ надъ каменистой кручей,
Откуда моря даль открылась предо мной.
Жемчужные валы къ подножью припадали
И, неутѣшные, метались и рыдали...

Межъ тѣмъ закатъ разлилъ кровавые ручьи
На море зыбкое,—и тучекъ вереницы
Поднялись въ глубь небесъ, какъ огненныя птицы,
И день имъ посылалъ послѣдніе лучи.
Проснулся колоколъ въ беззвучномъ отдаленьи
И слилъ съ рыданьемъ волнъ торжественное пѣнье.

Но вскорѣ отблескъ розъ на жемчугѣ волны
Сталъ быстро угасать. Кой-гдѣ огни блеснули,
Раскрылись небеса—и берега заснули.
Лишь пѣнистый прибой рыдалъ средь тишины,
Да у меня въ душѣ молитвенно звучали
Аккорды нѣжные восторга и печали.

Н. Минскій.

На развалинахъ Херсонеса.

Нѣмые вѣстники былого,
Руинъ печальные ряды,
Стою межъ васъ, лишившись слова,
И духъ волнуютъ мнѣ мечты.
Когда-то полный оживленьемъ
Здѣсь городъ эллинскій стоялъ;
Прошли вѣка, и палъ онъ тлѣньемъ,
Стариннымъ памятникомъ сталъ.
Покрыта тощею травою,
Цистерна, высохши, стоитъ;

Но никогда ужъ за водою
Гречанка къ ней не поспѣшитъ.
Гдѣ жизнь кипѣла, тамъ лишь вьются
Трусихи ящерки въ домахъ;
Тамъ звуки словъ не раздаются,
Слѣдъ разрушенья на стѣнахъ.
Пустынно море, гдѣ красиво
Пестрѣли нѣкогда суда.
Одинъ бурунъ у ногъ обрыва
Теперь клокочетъ, какъ тогда.
Все вкругъ безъ жизни, безъ дыханья,
Какъ трупъ холодный, предо мной.
Но о быломъ воспоминанья
Мелькаютъ длинной чередой.

Воскресли развалины: въ блескѣ своемъ
Весь городъ живетъ предо мною...
Идетъ князь Владиміръ съ княгиней вдвоемъ,
Густой окруженный толпою.
Кипятъ предо мною опять, оживясь,
Восторгъ, ликованье въ Корсуни.
Крестился Владиміръ, свѣтъ-кіевскій князь,
И вѣра осталась не втунѣ.

Смирился могучій, воинственный духъ,
Смирился потомокъ варяга,
Въ душѣ его пылъ славолюбья потухъ,
Зажглося желаніе блага.
Онъ мира и счастья землѣ пожелалъ,
Проникшись ученьемъ Христовымъ,
И Греціи преданнымъ другомъ онъ сталъ,
На трудъ и на жертвы готовымъ.
Въ Россію онъ свѣтъ новой вѣры внесетъ,
Предавши Перуна забвенью,
И этимъ направитъ могучій народъ
На путь, приводящій къ спасенью.
. . . . . Минули вѣка;
Разрушилась Греціи сила,
Россія жъ могуча стоитъ, велика
И міръ широко охватила.
Гдѣ принялъ Владиміръ крещеніе, тамъ
Надъ маленькимъ храмомъ стариннымъ
Воздвигла Россія блистательный храмъ,
Стоящій въ величіи чинномъ.
Далеко онъ виденъ съ воды и земли,
Стоя межъ развалинъ тѣхъ тлѣнныхъ,
Хоть павшихъ давно и лежащихъ въ пыли

Но все же для насъ незабвенныхъ.
Не такъ-ли Россія теперь поднялась
Надъ ветхой руиной Эллады,
Какъ храмъ Херсонесскій, плѣняющій глазъ,
Надъ мѣстомъ, гдѣ пали громады?...

Головковъ.

Развалины замка въ Балаклавѣ.

(Мицкевича).

Твердыня, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ,
Неблагодарный Крымъ! была твоя ограда;
Теперь же въ черепахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлые и людъ-подлѣе гада.

Взойдемъ на башню вверхъ. Ищу слѣда гербовъ:
Вотъ въ этой надписи, въ забвеньи,—думать надо,—
Покоится герой—гроза и страхъ полковъ,
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ въ стѣнахъ карнизъ аѳинскій свой,

Авзонецъ укрощалъ отсель татаръ цѣпями,
И набожный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршуны летаютъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума все обратила въ прахъ;
Навѣки водруженъ на башняхъ черный флагъ.

Н. Луговскій.

БАКЛАНЪ.

(поэма)

(Отрывокъ).

Лежитъ близъ моря Балаклава,
Едва примѣтный городокъ.
Домишекъ рядъ убогихъ справа,
А слѣва, ясенъ и глубокъ,
Блеститъ заливъ, и молчалива
Вода зеркальная залива.
Отъ шумныхъ бурь, отъ вѣтровъ онъ
Утесомъ чернымъ огражденъ.

И въ часъ, когда, тревоги полны,
На берегъ плещутся морской
И въ скалы бьютъ сѣдыя волны,
Спокойно спитъ заливъ безмолвный,—
Въ немъ миръ, затишье и покой.
Какъ и теперь, въ былые годы
Спѣшили спрятаться сюда
Ширококрылыя суда
Отъ бушевавшей непогоды,
И, говорятъ, съ дружиной всей
Здѣсь былъ когда-то Одессей.
Такой заливъ, по крайней мѣрѣ,
По описанью, есть въ Гомерѣ.

* * *

И безмятеженъ, и счастливъ,
Спитъ городокъ. Его строенья
Колеблетъ въ блескѣ отраженья
Спокойно дремлющій заливъ.
Здѣсь вѣчно ясенъ сводъ небесный.
Подъ нимъ то жмутся вдоль холма,
То, сбившись улицею тѣсной,
Бѣлѣютъ низкіе дома—

Ихъ миръ нарушенъ въ кои вѣки.
Отъ бурь житейскихъ далеки,
Здѣсь неводъ сушатъ рыбаки,
Тутъ поселившіеся греки.
Хоть въ незапамятные дни
Слыли пиратами они,
Теперь найти у нихъ едва-ли
Во всемъ селеньѣ двѣ пищали.
Зато окрестные холмы,
Очей веселье и отрада,
Покрыты гроздьемъ винограда.
Его зеленой бахромы
По длиннымъ кольямъ вьются нити,
И виноградомъ и камсой *)
Здѣсь счастливъ, гордый и босой,
Какой-нибудь грекъ Арванити.

* * *

И все здѣсь ясно быть могло-бъ,
Когда-бъ не старый, злой Циклопъ:
Надъ безмятежной Балаклавой

---

*) Камса—мелкая рыба.

Сѣдой развалиной нависъ
Суровый замокъ. Смотритъ внизъ
Онъ съ голыхъ скалъ, гордясь кровавой
И полной смерти, прежней славой.
Глядитъ, какъ очи безъ рѣсницъ,
Со стѣнъ высокихъ рядъ бойницъ,
И изумителенъ, и страшенъ
Видъ уцѣлѣвшихъ, мшистыхъ башенъ.
Изъ нихъ особенно одна
И молчалива, и мрачна.
Она стоитъ всѣхъ прочихъ выше
Среди обломковъ и камней,
И у зубцовъ остатокъ крыши
Еще виднѣется на ней.
Здѣсь генуэзецъ крѣпость эту
На страхъ врагамъ своимъ воздвигъ,
И былъ на стражѣ каждый мигъ
Съ рукой протянутой къ стилету.
Когда спитъ замокъ въ тьмѣ ночной,
Чуть озаряемый луной,
Здѣсь рой мерещится видѣній,—

Бойцы, воинственныя тѣни,
Суровый ликъ и шлемъ стальной.
Глядитъ угрюмо на долину
Старинный замокъ съ высоты,
И, мнится, странныя мечты
Во тьмѣ слетаютъ къ исполину....
Но и при солнцѣ, яркимъ днемъ,
Какъ будто тѣнь лежитъ на немъ.
Восходъ полдневнаго свѣтила
Привыкъ онъ сумрачно встрѣчать,
И суевѣрія печать
Его руины заклеймила.
Сѣдыхъ легендъ сложился рядъ
О немъ, какъ эхо давней славы,
Но неохотно говорятъ
О замкѣ греки Балаклавы.

. . . . . .

В. Шуфъ.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

Дѣйствующія лица:

Ифигенія, дочь аргосскаго царя Агамемнона, жрица Таврической Артемиды.

Хоръ греческихъ женщинъ, прислужницъ при храмѣ.

(Дѣйствіе на полуостровѣ Таврическомъ, въ странѣ Тавроскиѳовъ)

Сцена предъ портикомъ храма Артемиды, на утесистомъ берегу Эвксинскаго Понта. Вдали Таврическія горы и лѣса. На сценѣ Ифигенія и хоръ.

Ифигенія.

У прибоевъ я чуждаго моря стою...
Непривѣтно холодное море!
Я печальную пѣсню пою,
Вспоминаю отчизну мою,
И твержу я:—О, горе мнѣ! горе!

Занесло меня, юную птичку, сюда,
На утесы дыханье борея,
Оторвавъ отъ родного гнѣзда...

Я аргосскаго неба звѣзда,
Я отцовскаго сада лилея!

И рабыней у варваровъ царская дочь!...
Здѣсь другіе и люди, и море,
И страшна здѣсь туманная ночь...
Я не въ силахъ судьбы превозмочь,
И твержу я:—о горе мнѣ, горе!..

А когда-то, а когда-то
Я цвѣла въ тѣни дворца,
Гдѣ колоннами богата
Золоченая палата
Скиптроноснаго отца,
Гдѣ стоятъ боговъ кумиры,
И несутся звуки лиры
Вдохновеннаго пѣвца...

Помню—то давно бывало—
Какъ я съ матерью вдвоемъ
Ткать любила покрывала
И на нихъ изображала
Олимпійцевъ челнокомъ.

Пробудившись, грудь и вѣжды

Освѣжала я водой,
И ходила мыть одежды
Вешней утренней зарей.

Легкокрылою ногою
Зыбкихъ водъ касалась я,
И Инахъ *) передо мною,
Волнъ одѣтый чешуею,
Пресмыкался какъ змѣя,
Обвивая пѣной ясной
Полноту ноги прекрасной,
А потомъ и всю меня...

Я съ подругой хохотала
Надъ любовью старика,
Мячикъ на воду бросала,
И его намъ подавала
На хребтѣ своемъ рѣка.

Наши рѣзвыя затѣи
И на днѣ, и на волнахъ,

---

*) Инахъ—рѣка въ Арголидѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ богъ этой рѣки.

Какъ любовникъ Галатеи, *)
Полюбилъ сѣдой Инахъ.

Въ царскій пиръ, на праздникъ Геры—
Было то давно, давно!—
Въ ладъ подъ звуки лирной мѣры,
Наливала я въ кратеры
Старцамъ Аргоса вино,
Мудрой рѣчи ихъ внимая,
И кудрей ихъ лобызая
Серебристое руно.

Царь-отецъ мой горделиво
На меня имъ указалъ,
И красѣ моей стыдливо,
Дѣтскихъ дней порѣ счастливой,
Богомольно возліялъ:

И слезою умиленья
Просвѣтлѣли ихъ черты,
И раздались пѣснопѣнья
Въ честь богини-Красоты...

---

*) Циклопъ Полифемъ былъ влюбленъ въ нимфу Галтею, которая отвѣчала ему равнодушіемъ.

Не правда-ли,—эта волна голубая
Несется изъ родины милой?...
И, кажется, чайка морская,
Надъ нею летя и рыдая,
Мнѣ пѣснію вторитъ унылой...

О, еслибъ ты, чайка, была въ Арголидѣ,
И видѣла брата Ореста,
Печально пропѣвъ Тиндаридѣ, *)
Что я въ отдаленной Таврида
Осталась безбрачной невѣстой!

Не вѣдаютъ Греки мои, что жива я,
И жрицей въ скалахъ Кіанеи... **)
Но плачетъ-ли матерь родная,
Клянетъ-ли жену Менелая,
Пергамъ сокрушили-ль Ахеи?...

Лети и скажи ей, что дочь твою мнимо

---

*) Тиндарида, т. е. дочь Тиндарея,—Клитемнестра, мать Ифигеніи.

**) Кіанея или Симплегады—страшныя скалы, безпрестанно расходящіяся и сталкивающіяся, окруженныя бурными пучинами моря.

Отецъ ея предалъ закланью:
Богиней—для смертныхъ незримо—
Она спасена невредимо
На жертвенникъ брошенной ланью...

Но здѣсь безъ надеждъ, безъ друзей и отрады,
И въ рабствѣ у скиѳа Тоанта, *)
Гдѣ бьется волна въ Симплегады,
Живетъ далеко отъ Геллады
Спасенная жертва Калханта...

И скиѳскій обычай должна исполнять я:
На жертву должна Артемидѣ,
При вопляхъ и стонахъ проклятья
Священную кровь проливать я
Гелленовъ, приставшихъ къ Тавридѣ!

Не слышать мнѣ радостныхъ пѣсней Гимена,
И, чуждая ложу двойному,
Изною средь вѣчнаго плѣна,
И новыхъ героевъ колѣна
Не дамъ я державному дому!

---

*) Тоантъ—царь тавровъ, или тавроскиѳовъ, древнихъ обитателей Тавриды.

Не слышу здѣсь рѣчи и гимновъ Геллады,
Я съ прошлымъ въ нѣмомъ разговорѣ...
Такъ пойте-жъ, Эвксина наяды,
Таврическихъ дебрей цикады:
О, горе! о, горе! о, горе!...

Хоръ.

Отпрыскъ розы, гордость дома,
Внука Леды *)—ты раба!
На зарѣ тебѣ знакома
Всеразящая судьба...

Силѣ вѣчнаго закона
Покоряясь предъ тобой,
Дій, величье бросивъ трона,
На твое склонился-бъ лоно
Многодумной головой.

За красу жены—Елены
Встали распри и борьбы:
И Азійцы **) и Геллены

*) Леда—жена Тиндарея, царя Спарты.

**) Азійцы Трояне.

Ждутъ рѣшенія судьбы...
И за насъ сіянье стали
Побагровѣло бъ порой,
Греки бъ пѣсни намъ слагали,
А тебя бы называли
Олимпійскою женой...

Ифигенія.

Въ нашемъ горѣ—прочь гордыня!—
Будь смиреніемъ горда;
Будь рабынею рабыня,
Въ униженіи чиста.

Вспомнимъ, дѣвы, какъ Латона
Гордость смертныхъ низвела!...
Не боговъ въ величьи трона,—
Пастуха Эндиміона
Артемида избрала...

Нѣтъ!... Пойте, подруги, мнѣ пѣсню печальную:
Душа на плачевный настроена ладъ,
Какъ вспомню въ чужбинѣ я родину дальнюю,
И на море жадныя очи глядятъ!...

О, пойте, подруги, мнѣ пѣсни мученія,

Тѣ пѣсни, что любитъ подземный Аидъ:
Въ ихъ звукахъ таится зерно облегченія,
И будто съ печалью печаль говоритъ! *(Пауза)*

Этою ночью я видѣла сонъ;—
Много я въ грезахъ страдала!
Страшно и ясно мнѣ видѣлся онъ...
Солнцу его разсказала.
Снилось мнѣ, будто-бы въ царствѣ отца
Я межъ подругъ разцвѣтаю,
И у преддверій родного дворца
Въ дискъ быстробѣжный играю.
Хохотъ нашъ звонкій идетъ по рѣкѣ:
Нимфы ему отвѣчаютъ,
Скрывшись въ осокѣ отъ насъ вдалекѣ,
На рѣку насъ вызываютъ.
Вдругъ застонала земля подо мной,
И затряслась, задрожала...
Вижу я: рушится домъ нашъ родной:
Крыша съ карнизомъ упала,
Сдвинувшись съ крѣпкихъ высокихъ столповъ.
Груды развалинъ лежали:—
Въ нихъ красоты первобытной слѣдовъ

Очи мои не узнали...
Только осталась колонна одна,
И возвышалась надъ прахомъ;
Какъ-то печально стояла она,
Вкругъ ея вѣяло страхомъ:
И капитель той колонны моей
Русыя кудри вѣнчали,
Вопли, какъ смертные вопли людей,
Нѣдра ея потрясали...
Кажется, будто она приняла
Голосъ и видъ человѣка;
Жрицей богини я къ ней подошла:
Жертву узнала въ ней—Грека...
Жертву свою я невольно должна
Вспрыснуть водой очищенья,
Смерти обречь... О, для этого сна
Нѣтъ и у Леты забвенья!
Знайте, ряды крѣпкозданныхъ столповъ,
Отчаго дома опоры—
Племя мужей и могучихъ сыновъ...
(Указываетъ хору на храмъ).
Храма раскройте затворы,
И поспѣшимъ возліянья творить,

Мертвымъ отдать приношенья...
Я по колоннѣ могу объяснить
Смыслъ моего сновидѣнья!...

(Съ воплемъ).

Брата смерть меня лишила...
Нѣтъ Ореста! Брата нѣтъ!...
Вижу, вотъ она, могила,
Вотъ жестокой Парки слѣдъ!

Плачемъ, плачемъ, плачемъ, дѣвы,
Срѣжемъ роскошь нашихъ косъ!
Подъ могильные напѣвы
Пусть потоки льются слезъ.

(Опускаетъ на лицо покрывало, и, тихо рыдая, стоитъ, опершись на жертвенникъ.—Хоръ раздѣляется на двѣ половины)

I-й полухоръ.

Сокрушился домъ Атрида,
Палъ танталовъ домъ...
Подъ десницею Кронида
Все проходитъ сномъ!

Тѣнью все мимобѣгущей
На землѣ идетъ....

Носитъ смерть въ груди живущій:
Вѣчно міръ живетъ.

Развѣ ты не сонъ прекрасный?
Развѣ мы не сонъ?—
Здѣсь лишь радость ненапрасна,
Не безсмысленъ стонъ.

И не плачь такъ горько, дѣва!
Пусть нашъ гаснетъ родъ:
Сѣмя новаго посѣва
Послѣ насъ взойдетъ....

2-й полухоръ.

Далека отъ утѣшенья
Рѣчь холодная твоя,
Не уснетъ подъ это пѣнье
Душу рвущая змѣя.

Правду разума не любитъ
Человѣкъ—дитя скорбей...
Насъ судьба родитъ и губитъ:
Ей игрушка жизнь людей!

Въ этой пѣснѣ нѣтъ цѣленья:—

Ею горя ты не множь!...
Все у смертныхъ заблужденье:
Нынѣ—правда, завтра—ложь.

Нѣтъ!... Страданье любитъ слезы
И сочувствіе людей,
И младенческія грезы....
(Указывая на Ифигенію).
Мы заплачемъ вмѣстѣ съ ней!

Ифигенія.

Пусть онъ пріиметъ благосклонно
Возліянье этихъ слезъ,
Многохолмный, многоконный,
Вѣчно памятный Аргосъ!

Не дождаться мнѣ возврата
Въ вожделѣнный домъ родной,
Не видать могилы брата,
Умереть въ землѣ чужой!

Предъ лицомъ его гробницы
Мнѣ одеждъ не разорвать,
И надъ нею голубицей
Я не буду ворковать.

И любимую тѣнями
Не оставлю я на ней,
Орошенную слезами,
Прядь отрѣзанныхъ кудрей!

2-й полухоръ.

Пѣсню отвѣтную, пѣснь вопіющую
Мы запоемъ тебѣ, дѣва!
Тѣни родныя изъ ада зовущую,
Пѣсню иного напѣва,

Чуждую музамъ и лиры созвучію,
Близкую сердцемъ болящимъ,
Пѣсню споемъ твоему злополучію,
Милую пѣсню скорбящимъ...

О, теперь твой братъ далеко,
Въ царствѣ мрака и тѣней,
И его не видитъ око
Нашихъ плачущихъ очей!...

И Аргосъ теперь—могила,
И въ Аргосѣ счастья нѣтъ!
Парка жадная скосила
Лучшій молодости цвѣтъ!

И его не видятъ взоры
Феба яснаго лучей,
Златопурпурной Авроры
И серебряныхъ ночей.

Смертью сомкнутыя вѣжды
Не откроются въ пыли
За предѣлами Надежды—
За предѣлами земли.

Отсіяла незамѣтно
Дома царскаго звѣзда,
Закатилась беззавѣтно,
Невозвратно, навсегда!...

I-й полухоръ.

Жизнь... то плодъ, гдѣ зрѣя сладость
Заглушаетъ горькій ядъ...
Отдадимъ мы жизни радость,
Смерти—почесть и обрядъ!

Мы безсильны предъ судьбою...
Будемъ жить... О, будемъ жить!
Ни слезами, ни тоскою
Намъ безсмертья не купить!

И себѣ въ успокоенье
Да познаемъ мы законъ:
Жизни—вѣчное волненье,
Вѣчно-мирный смерти сонъ.

Ифигенія *(плача).*

Все погибло!... Я—жертва страданія вѣчнаго.
Отнялъ все у меня безъ возврата
Плутонъ!
Соутробнаго мнѣ и сомлечнаго
Никогда не увижу я брата...
О, сонъ!
За Коцитомъ мой братъ среди мрака глубокаго...
Понесись, полети туда, стонъ мой,
Гдѣ онъ,
Въ подземелья Эреба далекаго,
И скажи, какъ я стражду... О сонъ мой!
О, сонъ!

I-й полухоръ.

Навожденія Гекаты
И исчадья нѣдръ земныхъ,
Сны обманами богаты,

И измѣнчивъ образъ ихъ,
Данный адскими богами...
Что жъ тревожишься ты снами?

Ифигенія.

Не прервете слезъ теченія
Доброй силой вашихъ словъ!...
Говорятъ,—дано цѣленіе
Милосердіемъ боговъ:
Горечь слезъ—намъ облегченіе,
Забытье—въ истомѣ сновъ.

I-й полухоръ.

Чтобъ продлилась жизни сладость,
Боги горемъ насъ дарятъ...
Отдадимъ мы жизни—радость,
Смерти—почесть и обрядъ!

(Ифигенія приготовляетъ возліянія тѣни брата и приношенія богамъ Аида.—Два полухора соединяются въ одинъ хоръ который въ это время поетъ „гимнъ Смерти“).

Хоръ.

Внемли намъ, внемли намъ, царица людей,
Конецъ всего сущаго въ мірѣ!

Подъ мощною властью твоей
И то, что есть долу, и то, что въ эфирѣ...

О, Смерть! ты для всѣхъ безпристрастна равно,
Ты всѣхъ примиряешь собою;
Тебя никому не дано
Склонить приношеньемъ, слезой и мольбою!

Въ тебѣ на землѣ разрѣшенье всему,
Всѣ жизни загадки ты знаешь,
Издревле къ концу одному
Рожденное жизнію ты направляешь.

Тебя умоляемъ мы: позже прійди
Сомкнуть намъ усталыя вѣжды,
Дай радости намъ впереди,
Но лучше дай вѣчный свѣтильникъ Надежды...

И долгую жизнь намъ, и старость пошли
Въ довольствѣ, въ блаженномъ покоѣ:
Но юность намъ дольше продли,
Чтобъ отдали юности все молодое!

Ифигенія *(творя возліянія).*

Смолкните, вопли страданья,
Гнитесь на землю, колѣни!...

Братъ мой! Пріими возліянья—
Жертву возлюбленной тѣни.
Перси земли увлажаю
И молокомъ, и водою,
Вакховы соки мѣшаю
Съ влагой пчелы золотою.
Все посвящаю я аду,
(Гдѣ ничему нѣтъ возврата),
Все, что приноситъ отраду,
Тѣни усопшаго брата!

(Взявъ священные сосуды, Ифигенія идетъ во храмъ, и, уходя, говоритъ хору).

Я сокроюсь подъ сѣнію храма,
Гдѣ все вѣетъ отрадой и миромъ...
О, я много сожгу ѳиміама,
Много слезъ я пролью предъ кумиромъ!

(Уходитъ).

Хоръ.

Здѣсь боговъ о счастьи просятъ!...
Имъ противенъ этотъ храмъ:
Люди жертвы здѣсь приносятъ
Неугодныя богамъ...

(Указывая на храмъ и лежащую подлѣ него груду костей).

Безобразная божница,
Черепа и прахъ людей,
И безсмысленныя лица
Этихъ скиѳскихъ дикарей
Возмущаютъ ежечасно
Наше чувство глубоко:
И летитъ къ странѣ прекрасной
Память сердца далеко,
Гдѣ теперь другое время,
Гдѣ на небѣ такъ свѣтло,
Въ землю брошенное сѣмя
Яркимъ цвѣтомъ возрасло,
Гдѣ природа прихотлива,
Хитроуменъ человѣкъ;
Въ полѣ пальма и олива,—
На горахъ холодный снѣгъ,
Гдѣ, цвѣтя, лѣса Геллады
Шлютъ богамъ свой ароматъ,
И даютъ сердцамъ отрады
Виды храмовъ и палатъ.
Циклопическія зданья
Поражаютъ робкій взоръ
И воздушныя сліянья
Съ облаками синихъ горъ...

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]—[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый. Таврида, Море и Южный берегъ.

Стр.

1. Желаніе. *А. Пушкина* 1
2. Нереида. *Его же* 3
3. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда. *Его же* 4
4. Отрывокъ изъ поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ". *Его же* 5
5. Изъ путешествія Онѣгина. *Его же* 6
6 Пилигримъ (Мицкевича). Пер. *И. Козлова* . . . 7
7. Странникъ (Подражаніе Мицкевичу). *Н. Берга* . . 8
8. Таврида. *Батюшкова* 9
9. Близъ береговъ. *Бенедиктова* 10
10. На южномъ берегу. *Его же* 12
11. Оріанда. *Его же* 14
12. Алупка. *Его же* 15
13. Ночь въ Крыму. *Полонскаго* 17

Крымскіе очерки. *Графа А. Толстаго*:

14. а) Надъ неприступной крутизною 18
15. б) Клонитъ къ лѣни полдень жгучій 19

II.

Стр.

16. в) Ты помнишь ли вечеръ 20

17. г) Какъ чудесно хороши вы 21

18. д) Гдѣ свѣтлый ключъ 21

19. е) Солнце жжетъ, передъ грозою 23

20. Чаадаеву. *Пушкина* 23

21. Къ А. П. Г-гъ. *Бенедиктова* 25

22. На югъ, говорили друзья мнѣ. *Надсона* 28

23. Черное море. *Розенгейма* 29

24. Мѣсячная ночь. *Князя Вяземскаго* 30

25. Море. *Его же* 33

26. Возвращаясь изъ Кореиза. *Его же* 45

27. Вдоль горы, поросшей лѣсомъ. *Его же* 36

28. Ливадія. *Его же* 37

29. Слуху милыя названья. *Его же* 41

30. Оріанда. *Его же* 44

31. Къ Н. И. Гнѣдичу. *Козлова* 46

32. Татарская басня. *Г. Данилевскаго* 49

33. Тумановъ млечныхъ покрывало. *Мережковскаго* . . . 51

34. Элегія. *Туманскаго* 52

35. Русскія женщины (отрывокъ). *Некрасова* 53

36. Подъ небесами юга. *Д. Минаева* 57

37. Срама мертвые не имутъ. *Его же* 59

38. На исходѣ лѣта въ Ялтѣ. *Его же* 61

Стр.

39. О художникъ, если взялъ ты. *Его же* 63
40. Плоскій берегъ. *Его же* 65
41. Чудный край. *Его же* 66
42. Изъ „Крымскаго Альбома". *С. Сафонова* . . . 67
43. Ночь въ Ялтѣ. *Е. Львовой* 69
44. Изъ Крымскаго дневника. *Бунина* 70
45. На морскомъ берегу. *Его же* 71
46. Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма. [Отрывокъ]. *И. Бороздны* 73
47. Таврида [Отрывки]. *М. Сарандинаки* 77
48. Крымскіе пейзажи. Море. *Лугового* 80
49. Взбушевалося Черное море. *Кн. Е. Горчаковой* . . 81
50. Прости, Артекъ! *Ея же* 83
51. Изгнанникъ. *В. Шуфа* 85
52. Таврида. *Его же* 86
53. Коса. Древности Керчи. *Бенедиктова* 88
54. Мертвая коса. *Г. Данилевскаго* 90
55. Изъ Крымскихъ картинокъ. *Д. Стахѣева* . . . 92
56. Ранняя осень въ Крыму. *Л. Бѣляевой* 93
57. Маюме. Крымское сказаніе [отрывки]. *Ѳедорова* . . 94
58. Ночь въ Крыму. *Бѣльскаго* 96
59. На южномъ берегу. *Грибовскаго* 97

Отдѣлъ второй. Горы, долины и степи.

60. Видъ горъ изъ степей Козлова [Мицкевича]. Перев. *Лермонтова* 101

Стр.

61. Видъ горъ со степей Козлова *Н. Луговскаго* . . . 102

62. Между скалъ. *Бенедиктова* 103

63. Потоки. *Его же* 107

64. Обвалы. *Его же* 112

65. Пещеры. Кизилькоба. *Его же* 113

66. Чатырдагъ. *Его же* 116

67. Чатырдагскіе ледники. *Его же* 118

68. Чатырдагъ [Мицкевича]. Пер. *Н. Луговскаго* . . . 122

Крымскіе очерки. *Графа А. Толстаго;*

69. а] Всесильной волею Аллаха 123

70. б] Вы все любуетесь на скалы 124

71. в] Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ . . . 125

72. г] Душѣ легко; не слышу я 126

73. д] Смотри, все ближе 127

74. е] Привалъ 128

75. Вершина Чатырдага. Изъ путевод. *Н. Головкинскаго* . 129

76. Пещера Суукъ-коба. Оттуда-же 131

77. Чатырдагъ. *В. Шуфа* 133

78. Крымскій пейзажъ. *В. Щербины* 134

79. Аюдагъ [Мицкевича]. Пер. *И. Козлова* 140

80. Аю-Дагъ. *Кн. Вяземскаго* 141

81. Горы ночью. *Его же* 143

82. Алушта днемъ [Мицкевича]. Пер. А. Майкова . . . 145